„Княжны Куракины".
Портр. раб. В. Боровиковскаго.
Изъ собр. князя А. А. Куракина.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

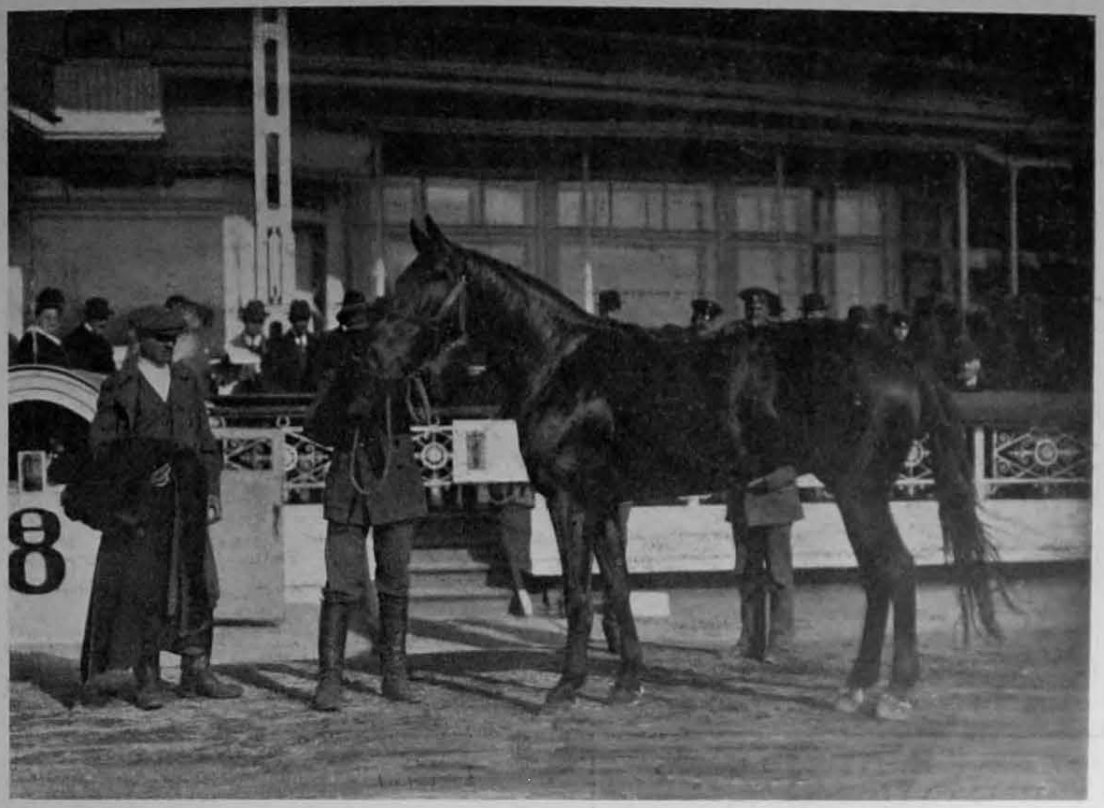
РУССКОЕ АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФІАТЪ.

Петроградъ. Москва. Варшава. Харьковъ. Кіевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ на/Д. Евпаторія. Баку. Рига. Екатеринославъ. Елисаветградъ. Новороссійскъ. Эривань.

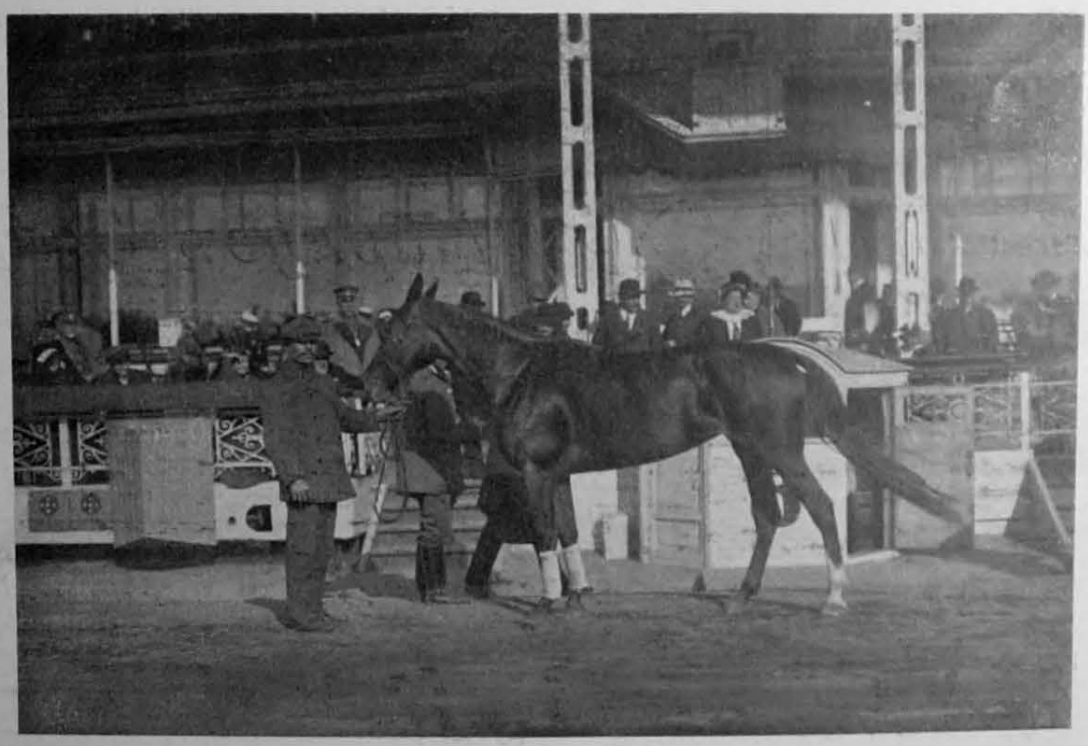
№ 44.

15 ОКТЯБРЯ 1915 г.

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.



„**Перепелъ**“,—к. жер., род. 1911 г.; влад. В. В. Лежневъ, зав. кн. Вяземскихъ, отъ „Вильбурна-М.“ и „Первыньки“. По 19 сентября 1915 г. имѣетъ общій выигрышъ 9.959 руб. Побѣдитель приза въ память кн. Леонида Дмитріевича Вяземскаго въ Петроградѣ 30 августа 1915 г. Лучшая рѣзвость: 1 вер.—1.31²/₅ и 1½ вер.—2.19³/₅.



„**Сирень**“—т.-г. к., род. 1911 г., влад. Н. В. Телегинъ, соб. зав., отъ „Ириса“ и „Стефаны“. По 19 сентября 1915 г. имѣетъ общій выигрышъ 17.310 руб. Побѣдительница приза въ память кн. Леонида Дмитріевича Вяземскаго въ Петроградѣ 30 августа 1915 г. Лучшая рѣзвость: 1 в.—1.32²/₅ и 1½ вер.—2.17²/₅.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

№ 44. ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА. 15 ОКТЯБРЯ 1915 ГОДА. ПЕТРОГРАДЪ.

ВОЛОКИТИНЪ.

(Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда, имѣніе статсъ-дамы графини Алекс. Андр. Олсуфьевой, рожд. Миклашевской).

Просто было домостроительство и домоустройство въ старой Малороссіи. Дома не только людей зажиточныхъ, но и даже семихъ гетмановъ, вплоть до второй половины XVIII вѣка, были очень незатѣйливы. Изъ дошедшихъ до насъ описаній домовъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, находившихся въ ихъ резиденціи въ г. Глуховѣ, видно, что дома эти представляли собою соединеніе хорошихъ деревянныхъ избъ, состоявшихъ каждая изъ просторной свѣтлицы и комнаты. Высоко стояло въ эту эпоху лишь церковное зодчество; и не только въ городахъ, но и въ селахъ Малороссіи, отъ XVII и XVIII вѣковъ уцѣлѣло не мало каменныхъ церквей въ томъ привлекательномъ стилѣ, который упрочилъ за собою названіе южно-русскаго стиля.

Толчкомъ къ развитію частнаго домостроительства въ Малороссіи послужила пышная Елизаветинская эпоха и избраніе въ 1750 году гетманомъ графа К. Г. Разумовскаго. Молодой и несмѣтно богатый Разумовскій, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы, гдѣ онъ учился и совершалъ образовательное путешествіе подъ руководствомъ Теплова, поселился въ Глуховѣ вмѣстѣ со своею супругою, рожденною Нарышкиной. Вся семья Разумовскихъ отличалась художественнымъ вкусомъ и исключительной любовью ко всякаго рода строительству. Гетманъ, пользуясь услугами лучшихъ архитекторовъ того времени: Растрелли, Деламотта, Камерона, Менеласа, Ринальди, Гваренги и ихъ учениковъ и помощниковъ: Квасова, Гедегарда, Яновскаго и др., энергично и заботливо обстраивалъ усадьбы своихъ многочисленныхъ малороссійскихъ имѣній. По примѣру гетмана богатая малороссійская старшина, многіе изъ представителей которой къ тому времени получили уже европейское образованіе за-границей или дома, начала обстраивать свои усадьбы капитальными и художественными сооруженіями, которыя, цѣликомъ или въ развалинахъ уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, поражаютъ и своими размѣрами и высокими художественными качествами. Въ это время, то есть во второй половинѣ XVIII вѣка, возникли: Батуринъ, Почепъ и Яготинъ Разумовскихъ, Ляличи Завадовскаго, Ивайтенки Гудовича, Стольное Безбородко, Очкинъ Судіенка, Коченовка и Вишеньки Румянцова и нѣкоторыя другія, къ сожалѣнію, нынѣ исчезнувшія уже усадьбы. Усадьбы эти были устроены и обставлены съ тѣмъ высокимъ художественнымъ вкусомъ и пониманіемъ красоты, которые характеризуютъ культуру екатерининскаго вѣка.

Вкусъ къ художественному устройству и украшенію усадебъ, подъ вліяніемъ имѣвшихся передъ глазами образцовъ, особенно развился у малороссійскихъ помѣщиковъ въ Александровскую эпоху и вслѣдъ за нею до конца первой половины XIX вѣка, то есть до отмѣны крѣпостного права. Господствовавшій почти въ про-

Подъѣздъ Волокитинскаго дома. Стоятъ граф. Алексѣй Андреев. и Андрей Андреев. Олсуфьевы.

Въѣздныя ворота въ Волокитинѣ.

долженіе всего этого времени „стиль Имперіи", особенно облагороженный у насъ въ Россіи, проникалъ въ строительство не только грандіозныхъ усадебъ очень богатыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ [1]), но отразился и въ устройствѣ домовъ средняго дворянства, причемъ для доморощенныхъ архитекторовъ образцами служили дома, построенные славными петербургскими зодчими. Лѣнивые малороссійскіе паны оживлялись не только во время дворянскихъ выборовъ, но и тогда, когда принимались за постройку—взамѣнъ дѣдовскихъ крытыхъ соломою свѣтлицъ—просторныхъ, свѣтлыхъ и уютныхъ домовъ, за ихъ внутреннее убранство и за устройство садовъ и парковъ. Изъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей вырабатывались не только свои искусные и часто даже талантливые архитекторы, но и большое количество мастеровъ по разнаго рода работамъ: мебельщиковъ, столяровъ, рѣзчиковъ, живописцевъ, ткачей, всякаго рода рукодѣльницъ и проч. Весь этотъ людъ, часто надѣленный отъ природы чувствомъ изящнаго и нерѣдко обученный въ столицахъ, создавалъ тѣ декоративныя работы въ усадьбахъ, остатки которыхъ удивляютъ насъ своею красотою и вкусомъ.

* * *

По характеру мѣстности южная часть Глуховскаго уѣзда рѣзко отличается отъ сѣверной. Послѣдняя, плоская и однообразная, до сихъ поръ сохранила не мало превосходныхъ сосновыхъ лѣсовъ, южная же часть уѣзда, особенно къ югу отъ города Глухова, между старой Кіево-Московской почтовой дорогой и рѣчкой Клевенью, являющеюся на всемъ своемъ теченіи границею, отдѣлявшею старую Гетманщину отъ Великороссіи,—эта часть Глуховскаго уѣзда представляетъ мѣстность весьма разнообразную, гористую по берегамъ рѣчекъ Клевени и Есманя, богатую чернолѣсьемъ (дубомъ и липою) и очень живописную. На самой южной окраинѣ

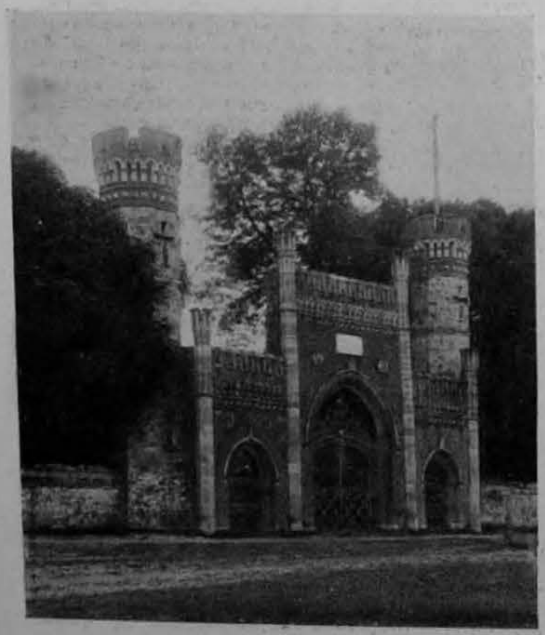
Видъ барскаго дома изъ парка.

Собственныя фотографіи „Столицы и Усадьбы".

уѣзда расположено село Волокитинъ, извѣстное по существовавшему здѣсь въ серединѣ XIX вѣка фарфоровому заводу.

Поселенія южной окраины Глуховскаго уѣзда, возникшія еще въ великокняжескую эпоху, села: Ворголъ, Зазирки, Волокитинъ, Кочерги, Кубаровъ и др., въ концѣ XVII вѣка были владѣніемъ родоначальника обширной теперь на югѣ Россіи дворянской фамиліи Миклашевскихъ—стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго, выходца изъ Польши (древняго герба Остоя), возвысившагося въ гетманство Самойловича. При Мазепѣ Миклашевскій былъ генеральнымъ есауломъ и принадлежалъ уже къ вліятельной старшинѣ, съ которою такъ ловко умѣлъ ладить Мазепа, привлекая ее на свою сторону щедрою раздачею земель. Отъ Мазепы Миклашевскій и получилъ „по универсалу" 1688 года богатое село Волокитинъ.

Ворота въ концѣ Волокитинскаго парка.



Миклашевскій былъ убитъ подъ Несвижемъ, въ войну со шведами въ 1706 году. Дѣти его по бракамъ успѣли породниться съ самыми родовитыми фамиліями края: Скоропадскими, Жураховскими, Марковичами, Лизогубами, Гамалѣями и др. Послѣ смерти Миклашевскаго Волокитинъ по раздѣлу достался его среднему сыну Степану, который былъ женатъ на Иринѣ Марковичъ, младшей сестрѣ знаменитой въ Малороссіи гетманши Настасіи Скоропадской. Степанъ Миклашевскій, хотя и жилъ въ Зазиркахъ, но повидимому былъ первымъ устроителемъ сосѣдней съ Зазирками Волокитинской усадьбы. Послѣ смерти Степана Миклашевскаго Волокитинъ перешелъ ко второму его сыну Петру, который увеличилъ свое состояніе, получивъ за женою, рожденною Лазаревичъ, значительное лѣсное имѣніе возлѣ м. Воронежа, Глуховскаго уѣзда. Сынъ Петра Степановича Петръ Петровичъ былъ уже гвардіи прапорщикъ, а внукъ его Андрей Михайловичъ Миклашевскій (род. 1802 г., † 1895 г.) явился устроителемъ Волокитинской усадьбы въ томъ ея видѣ, какою представляется она намъ

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ усадебъ въ Малороссіи, возникшихъ въ первой половинѣ XIX вѣка: Сокиренцы Галаганова, Тепловка гр. Завадовскаго, Диканька князей Кочубеевъ, Пануровка Миклашевскихъ, Гриневъ гр. И. А. Безбородко, Любечъ гр. Милорадовичей, Седневъ Лизогубовъ, Бѣгачъ кн. Кейкуатовыхъ, Красный Рогъ Перовскихъ, Романовка Дунинъ-Борковскихъ и др.

Кабинетъ. Замѣчательная фарфоровая люстра раб. Волокитинскаго завода. Налѣво портретъ А. А. Олсуфьевой съ сыновьями раб. Н. Н. Ге.

Зала съ портретомъ гетмана Миклашевскаго и Петровскимъ оружіемъ.

Часть фарфороваго иконостаса (работы зав. Миклашевскихъ въ Волокитинѣ).

тическомъ стилѣ, ворота, представляющія съ двумя башнями и тремя пролетами цѣлое сооруженіе изъ дикаго камня, мѣстами облицованнаго краснымъ кирпичемъ. Черезъ сквозную чугунную съ бронзой рѣшетку воротъ видна обсаженная липами и шоссированная дорога на Глуховъ, находящійся отъ Волокитина въ двадцати пяти верстахъ. На высокомъ фронтонѣ воротъ съ лицевой стороны укрѣплена мраморная доска съ надписью:

„Ad majorem Dei gloriam anno 1875 exec.
A. Miclachevski".

Владѣлецъ и устроитель Волокитина, покойный А. М. Миклашевскій, закончилъ еще въ тридцатыхъ годахъ устройство своей усадьбы, любилъ время отъ времени украшать ее новыми постройками; такъ: въ 1875 году онъ построилъ эти парадныя ворота, являющіяся просто украшеніемъ усадьбы, такъ какъ черезъ нихъ никто не въѣзжаетъ, а еще позже соорудилъ въ саду, недалеко отъ дома, памятникъ своей женѣ въ видѣ египетской пирамиды изъ тесаныхъ глыбъ дикаго камня; внутри пирамиды помѣщена мраморная фигура женщины, склонившейся надъ урной.

* * *

Волокитинскій домъ построенъ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Онъ деревянный съ портикомъ и фронтономъ, на шести колоннахъ съ роскошными коринѳскими лѣпными капителями. Колоннада пересѣкается балкономъ мезонина, окаймленнымъ красивою строгаго рисунка чугунною рѣшеткою. Стѣны передняго фасада совершенно гладкія съ простымъ карнизомъ и съ удлиненной формы окнами, какъ это часто встрѣчается въ старинныхъ домахъ, съ бѣлаго цвѣта наличниками съ черными отводами. Фасадъ простъ, но, по соразмѣрности всего зданія, колоннъ и фронтона, производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Задній фасадъ дома, выходящій на открытую полукруглую украшенную оранжерейными растеніями террасу, смотритъ на обширный круглый газонъ съ разбросанными на немъ невдали отъ дома деревьями, между которыми бросается въ глаза огромный вѣковой каштанъ съ причудливо разстилающимися до земли вѣтвями. Задній фасадъ очень красивъ и представляетъ типичный образецъ помѣщичьяго дома въ стилѣ empire. Средняя его часть, рустированная, немного выступаетъ изъ линіи дома, верхняя съ балкономъ подъ полукруглою аркою имѣетъ красивый фронтонъ съ деревянными рѣзными гербами. На крышѣ дома окаймленная рѣшеткою круглая площадка съ флагштокомъ.

Со стороны передняго фасада главный подъѣздъ дома.

По широкой каменной лѣстницѣ входите въ высокій просторный вестибюль, изъ котораго налѣво двери въ жилыя помѣщенія, прямо витая лѣстница въ мезонинъ, а направо ходъ въ парадныя комнаты, преддверіемъ къ которымъ служитъ такъ называемая оффиціантская со шкафами, наполненными старымъ серебромъ, фарфоромъ — преимущественно своей фабрики — и хрусталемъ, среди котораго есть старинные бокалы съ русскими императорскими вензелями и тяжелые богемскіе стаканы. Въ этой комнатѣ обращаетъ на себя вниманіе фарфоровый каминъ, изготовленный на

въ настоящее время и какою ее бережно сохраняетъ его дочь, нынѣшняя владѣлица майоратнаго Волокитинскаго имѣнія статсъ-дама графиня Александра Андреевна Олсуфьева.

Волокитинская усадьба не принадлежитъ къ грандіознымъ памятникамъ расцвѣта русской помѣщичьей архитектуры, каковыми являются многія уже описанныя на страницахъ „Столицы и Усадьбы" дворянскія гнѣзда эпохъ Екатерины II и Александра I; но ея домъ и садъ, по своимъ размѣрамъ, по благородной простотѣ, строгости, соразмѣрности и гармоніи всѣхъ усадебныхъ построекъ съ мѣстностью, представляютъ собою въ лучшемъ образцѣ то, что мы понимаемъ, когда говоримъ „старинная русская усадьба".

* * *

Волокитинская усадьба просторно раскинулась на довольно значительной возвышенности при сліяніи рѣчекъ Клевени и Есмани. Вся усадьба обнесена на протяженіи не менѣе трехъ верстъ высокою капитальною оградою изъ мѣстнаго дикаго камня, которымъ изобилуетъ эта часть уѣзда. Верхнее покрытіе ограды изъ кирпича мѣстами разрушается и на ея стѣнахъ тамъ и сямъ привѣтливо подымаются молодые березки и кусты. Черезъ красивыя готическія ворота, украшенныя съ обѣихъ сторонъ фарфоровыми гербами, поднимаетесь по широкой дорожкѣ къ дому, переднимъ фасадомъ обращенному на югъ, къ долинѣ. Передъ домомъ партеръ съ цвѣточными клумбами, съ лѣвой стороны отъ дома — церковь. По сторонамъ дома и за нимъ расположенъ садъ, въ которомъ главную прелесть составляетъ чудная перспектива, образуемая столѣтнею широкою липовою аллеей, идущею отъ дома на протяженіи версты и упирающеюся въ грандіозныя, въ строго англого-

Церковь въ Волокитинѣ и газонъ передъ ней.

волокитинскомъ заводѣ. Прямо изъ оффиціантской — залъ, налѣво — гостиная. Залъ расположенъ во всю ширину дома и является въ немъ самою красивою комнатою. Онъ украшенъ плоскими желтаго подъ мраморъ цвѣта колоннами, съ изящными золочеными іоническими капителями. Здѣсь, какъ и въ другихъ парадныхъ комнатахъ дома, фризъ и карнизъ потолка очень красиво разрисованы славившимися нѣкогда на всю здѣшнюю округу волокитинскими малярами, работавшими на фарфоровомъ заводѣ. Лѣпка карнизовъ скромна, но изящна. На одной изъ стѣнъ зала щитъ съ полковничьимъ перначемъ и оружіемъ стародубскаго полковника Миклашевскаго и тутъ же его портретъ во весь ростъ въ парадномъ парчевомъ кунтушѣ, въ красныхъ сапогахъ и съ перначемъ въ рукахъ. Портретъ этотъ точная копія съ современнаго оригинала, находящагося въ построенномъ полковникомъ кіевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ и похороненъ. На противоположной стѣнѣ виситъ работы Н. Н. Ге поясной портретъ А. М. Миклашевскаго. Ге былъ неровный портретистъ: намъ приходилось видѣть портреты его работы весьма посредственнаго достоинства, но существуютъ его портреты прямо поразительные, и къ такимъ первокласснымъ портретамъ кисти Ге слѣдуетъ причислить и малоизвѣстный портретъ А. М. Миклашевскаго, написанный въ 1879 году. Между окнами зала, выходящими въ садъ, большое зеркало въ чрезвычайно сложнаго и богатаго рисунка фарфоровой рамѣ. Здѣсь же по стѣнамъ, въ старыхъ рамахъ, гравюры изъ серіи Вольнато. Мебель въ залѣ бѣлая съ золотомъ.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ гостиной — это большая фарфоровая двухъ-ярусная люстра, очень красивой моделировки. Кромѣ нея въ этой комнатѣ много разнаго рода фарфоровыхъ вещей волокитинскаго завода: вазъ, группъ, чашекъ и проч., все, конечно, въ отборныхъ хорошихъ образцахъ. Изъ портретовъ здѣсь большой семейный портретъ во весь ростъ гр. А. А. Олсуфьевой съ сыновьями (писалъ Н. Н. Ге въ 1879 г.) и портретъ (писалъ Н. Тюринъ въ 1876 г.) скончавшагося въ этому году супруга владѣлицы Волокитина, популярнаго москвича — почетнаго опекуна ген.-отъ-кав. гр. А. В. Олсуфьева. Кромѣ другихъ портретовъ, акварелей и картинъ, въ гостиной находится прелестный портретъ извѣстной московской красавицы 20-хъ годовъ М. П. Олсуфьевой, рожденной Кавериной, красоту которой нѣкогда воспѣвалъ кн. П. А. Вяземскій. Хотя портретъ не подписанъ, но милое лицо Олсуфьевой несомнѣнно написано рукою большого мастера (не самого ли Кипренскаго?).

Изъ отдѣльныхъ вещей въ гостиной хороши большіе бронзовые часы Louis XV. Диваны и кресла краснаго дерева Николаевскаго времени: среди нихъ хорошенькіе овальные столики Jacob, прелестный столъ флорентійской работы съ доскою изъ шлифованныхъ камней, старинный комодъ маркетри съ мраморной доской и проч.

* * *

Дальше идутъ жилыя и хозяйственныя комнаты, убранныя съ простотой и уютомъ. Тутъ также много хорошей старой мебели, напр. въ спальнѣ прекрасная большая рѣзного орѣха кровать. Рядомъ съ заломъ, по другую сторону отъ гостиной, кабинетъ съ книжными шкафами березоваго дерева съ чернымъ, по стѣнамъ портреты литографированные, акварельные и большой портретъ масляными красками извѣстнаго гр. П. Д. Киселева.

Изъ вестибюля по узкой витой лѣстницѣ подымаетесь въ мезонинъ, состоящій изъ пяти высокихъ удобныхъ комнатъ съ хорошею старою мебелью и шкафами съ фарфоромъ, разныхъ русскихъ и иностранныхъ марокъ, служившихъ образцами для волокитинскаго завода.

Съ обоихъ балконовъ мезонина прекрасные виды. Съ балкона передняго фасада видна у ногъ красивая картина партера съ цвѣточными клумбами, въ сторонѣ церковь, а далѣе широкая долина, среди которой сливаются двѣ рѣчки, а еще далѣе лѣса и сосѣднія деревни Курской губерніи...

Церковь стоитъ на площадкѣ влѣво отъ партера, надъ самымъ спускомъ къ долинѣ. Она построена А. М. Миклашевскимъ въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія и представляетъ замѣчательное сооруженіе, о которомъ извѣстный церковный историкъ архіепископъ черниговскій Филаретъ Гумилевскій говоритъ: „Великолѣпный храмъ, который могъ бы служить красою самой столицы".

Храмъ былъ спроектированъ въ строго готическомъ стилѣ. Императоръ Николай Павловичъ, лично разсматривавшій и утверждавшій проектъ, закруглилъ линіи (!) и сдѣлалъ куполъ; но портала колокольни, острыя башенки изъ дикаго камня по угламъ крышъ и другія архитектурныя детали даютъ сооруженію общій характеръ готики. Внутри храма замѣчательный фарфоровый иконостасъ. Въ храмѣ три иконостаса, въ соотвѣтствіи съ тремя престолами; особенно богатъ и красивъ средній большой иконостасъ. Всѣ рамы на образахъ фарфоровыя, тонкой изящной выдѣлки. Шесть иконъ на царскихъ вратахъ писаны на фарфорѣ. Иконы второго яруса большого иконостаса въ фарфоровыхъ прорѣзныхъ рамахъ, затянутыхъ голубымъ фономъ. Верхній карнизъ иконостаса поддерживается четырьмя синими съ золотомъ фарфоровыми колоннами, по которымъ вьется виноградная вѣтвь. Только имѣя здѣсь же на мѣстѣ фарфоровую фабрику, можно было преодолѣть техническія трудности выработки этихъ большихъ чудныхъ колоннъ. Передъ мѣстными иконами иконостасовъ и за престоломъ девять высокихъ фарфоровыхъ подсвѣчниковъ (ставниковъ). Съ купола и потолка свѣшиваются четыре огромныхъ фарфоровыхъ паникадила. Изъ всей фарфоровой утвари храма самой однако замѣчательной вещью слѣдуетъ признать тончайшей и сложной работы большую дарохранительницу, мотивомъ композиціи и архитектурной орнаментаціи которой несомнѣнно служили рисунки алтарей и гробницъ лучшаго періода готической скульптуры. Крутой стройный куполъ и красивыя деревянныя готическія хоры дополняютъ художественное впечатлѣніе.

Надо было имѣть высокое религіозное настроеніе и большую энергію, чтобы семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ въ глуши, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, вдали отъ центровъ, откуда приходилось брать художниковъ и нѣкоторыхъ мастеровъ, создать такой художественный памятникъ.

Направо отъ входа въ церковь находится могила строителя храма А. М. Миклашевскаго, надъ которой задолго до его кончины была укрѣплена доска съ надписью: „Мѣсто конечнаго упокоенія создателя храма сего".

* * *

Издѣлія волокитинскаго фарфороваго завода теперь считаются уже рѣдкостью, достигаютъ на антикварномъ рынкѣ большихъ цѣнъ и ревностно собираются коллекціонерами. Заводъ этотъ былъ основанъ въ 1839-мъ году А. М. Миклашевскимъ, который имѣлъ въ виду пользоваться добываемою въ 15 верстахъ отъ Волокитина знаменитою полошковскою фарфоровою глиною. Дѣло было поставлено сразу на широкую ногу. Былъ приглашенъ изъ Парижа мастеръ Дартъ, который руководилъ постройкой завода и производствомъ на немъ фарфора до своей смерти въ 1851 году, и только послѣ этого главными мастерами на заводѣ явились подготовленные имъ крѣпостные люди Миклашевскаго. Выдѣлка посуды, вазъ, фигуръ и разныхъ предметовъ домашней обстановки и роскоши достигла на волокитинскомъ заводѣ значительной степени совершенства, и издѣлія его въ большомъ количествѣ расходились по всей Россіи и шли даже къ Императорскому двору. Заводъ имѣлъ свои магазины въ Петербургѣ на Невскомъ, въ Кіевѣ и на главныхъ ярмаркахъ, и въ 1850 году на выставкѣ въ Петербургѣ получилъ золотую медаль. Но съ приближеніемъ отмѣны крѣпостного права, съ наступившимъ измѣненіемъ экономическихъ условій помѣщичьихъ хозяйствъ и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, а, главнымъ образомъ, въ связи съ основаніемъ новыхъ фарфоровыхъ заводовъ близко къ большимъ рынкамъ, сбытъ издѣлій волокитинской фабрики, при продолжавшейся довольно высокой ихъ расцѣнкѣ, быстро пошелъ на убыль. Владѣлецъ рѣшительно не желалъ ограничиться исключительно выдѣлкой такъ называемой трактирной посуды, а

Зеркало въ замѣчательной работы фарфоровой рамѣ завода Миклашевскихъ.

Собств. фот. „Ст. и Ус."

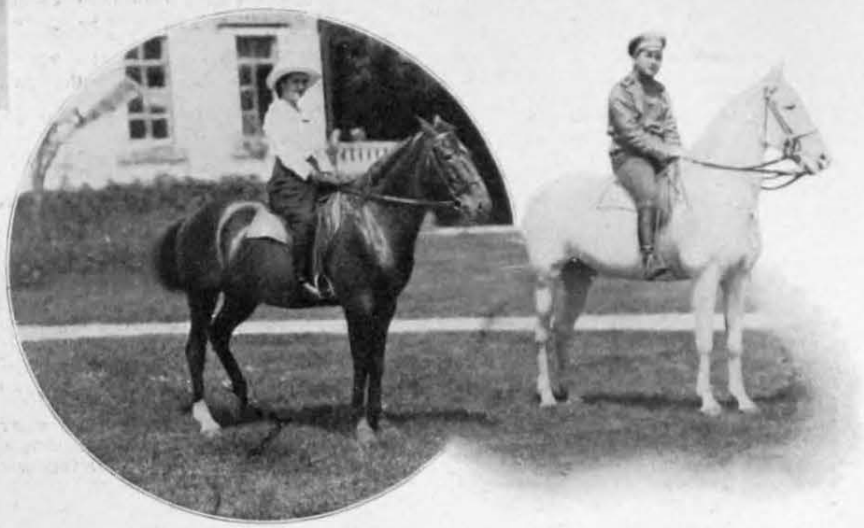
потому фабрика начала работать въ убытокъ и въ 1862 году совсѣмъ закрылась.

Издѣлія волокитинской фабрики [1]) представляютъ иногда значительную художественную цѣнность, особенно въ своихъ лучшихъ образцахъ, находящихся въ волокитинскомъ храмѣ и въ домѣ, а также въ наиболѣе полномъ собраніи этого фарфора въ коллекціи А. П. Скоропадской. Волокитинскій фарфоръ выдѣлывался преимущественно по образцамъ иностранныхъ заводовъ, главнымъ образомъ саксонскаго и меньше севрскаго; но въ росписи и орнаментѣ изъ мелкихъ цвѣтовъ, въ мелкой почти ювелирной лѣпкѣ, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ виноградныхъ гроздій, въ великолѣпномъ золоченіи, въ волокитинскомъ фарфорѣ имѣется нѣкоторая оригинальная самобытность. Хотя не такъ часто, какъ въ издѣліяхъ другихъ старыхъ заводовъ центральной Россіи, напр. Гарднера, Сафронова и особенно Попова, встрѣчаются фигуры и волокитинскаго фарфора вполнѣ оригинальныя по композиціи. По достоинству технической выработки, по безукоризненной бѣлизнѣ массы и красивымъ сочетаніямъ раскраски фарфоръ Миклашевскаго вполнѣ оправдываетъ былой успѣхъ его въ Россіи и интересъ къ нему современныхъ коллекціонеровъ.

Петръ Дорошенко.

Портретъ А. М. Миклашевскаго
(со старинной литографіи).

[1]) Обычная марка, другія болѣе рѣдкія марки: „Волокитинской фабрики" съ гербомъ, „Manufacture de Wolokitine", „Wolokitine Miclachefsky", „Manufacture à Wolokitine Gt de Tchernigow A. Miclachefsky".



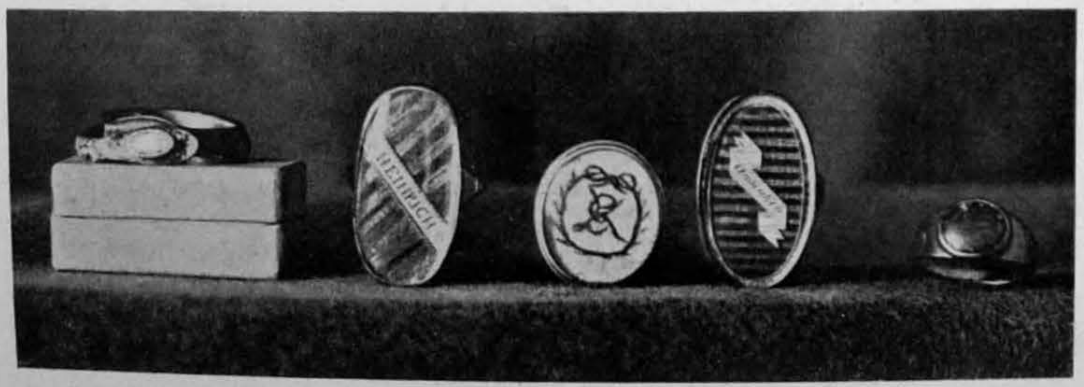
Графиня Анна Андреевна и графъ Андрей Андреев. Олсуфьевы.

МАРИНА.

Иди по лѣсу на шумъ прибоя
И выйдешь: море сверкнетъ въ глаза...
Шумитъ и плещетъ, а голубое...
И небо тоже—какъ бирюза!
Иди по краю сырого пляжа,—
Пусть волны плещутъ у самыхъ ногъ:
Узорной пѣны сѣдая пряжа
Вуалемъ кружевъ рябитъ песокъ...

И все воздушнѣй, и все эскизнѣй
На мокромъ пляжѣ ея узоръ...
О море жизни, о радость жизней!—
Въ просторѣ моря трепещетъ взоръ.
Молчи и думай. И въ думъ прибоѣ,
Въ просторѣ моря себя найдешь:
Какое счастье, что вы не двое!..
Молчи и думай... Гдѣ двое—ложь!

Н. Шебуевъ.



Кольца и броши съ вензелями и надписями изъ волосъ.
(Изъ коллекціи бар. Е. Ф. Таубе).

СУВЕНИРЫ.

(Изъ прошлаго).

Фотографія, кинематографъ, фонографъ позволяютъ намъ запечатлѣть проявленія жизни въ мельчайшихъ деталяхъ и, по желанію, воспроизводить передъ собою то, что было, что уже исчезло...

Наши дѣды и прадѣды были лишены всѣхъ этихъ изобрѣтеній. Можно было пригласить художника, чтобъ онъ нарисовалъ портретъ масляными красками. Но хорошій художникъ, который бы сумѣлъ уловить сходство и воспроизвести его въ краскахъ, былъ доступенъ по своей цѣнѣ для немногихъ, а средній живописецъ рисовалъ такъ, что вызывалъ особые указы, чтобы „портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ рисовались похоже"... Если коверкали изображеніе царей и царицъ, то можно себѣ представить, какъ изображали обыкновеннаго рядового обывателя!

А между тѣмъ—„во всѣхъ столицахъ и во всѣ годы славою и удовольствіемъ себѣ поставляемъ имѣть нѣчто, могущее приводить намъ на память любимую намъ особу".

Имѣть „сувениръ", имѣть хоть какое нибудь воспоминаніе — было желаніемъ всѣхъ... И потому въ тайникахъ пузатыхъ бюро кабинетовъ тщательно хранилась перевязанная ленточкою связка маленькихъ бумажекъ—писемъ, случайно не разорванныхъ, въ большомъ фоліантѣ какой нибудь старопечатной книги лежалъ засушенный цвѣтокъ, сорванный раннею порою, въ утро нашихъ дней.

Спросъ всегда порождаетъ предложенія. И въ XVIII вѣкѣ дѣлались совершенно особые сувениры, которые могутъ намъ, рожденнымъ въ вѣкъ электричества и авіаціи, показаться смѣшной бездѣлушкою, и только.

Но сколько въ нихъ, въ этихъ хотя бы сувенирахъ изъ волосъ, нѣжности, граціи и тихой грусти...

„Потеряны французскіе женскіе золотые часы—читаемъ мы въ 1787 году,—мастера Епина съ волосяною цѣпочкою, въ среди которой былъ медальонъ съ изображеніемъ съ одной стороны „Діаны", а съ другой „Урны"...

Кто же изготовлялъ эти цѣпочки, кто умѣлъ изъ волосъ такъ искусно сплетать вензеля, что ихъ можно было заправить или въ перстень, или въ небольшой медальонъ, который на тонкой цѣпочкѣ спускался за корсажъ?

Въ Петербургѣ, въ концѣ XVIII вѣка, былъ спеціалистъ этого дѣла. Звали его Блехъ, и онъ „нашелъ способъ, какъ умножить число пріятныхъ памятниковъ о любимыхъ нами особахъ".

Блехъ былъ вовсе не ремесленникъ, онъ себя считалъ настоящимъ художникомъ, съ тою только разницей, что онъ работалъ не красками, не на холстѣ, его матеріалъ былъ человѣческій волосъ. Блеху нужно было прислать рисунокъ и матеріалъ, и въ его гибкихъ ловкихъ пальцахъ волоса свивались, плелись, и превращались въ вензеля для „перстеней, табакерокъ, медальоновъ, браслетовъ и другихъ галантерейныхъ вещей".

Мало этого—Блехъ изъ волосъ писалъ цѣлыя письма: „онъ такъ же вьетъ волоса для литеръ, которыми можно писать какими угодно почерками. Каждая литера, составленная изъ плетенныхъ волосъ, отличается отъ грунта и отдѣлена отъ другой".

„Дамы — не безъ особенной галантности отмѣчалъ г. Блехъ—отличающіяся вкусомъ и разборчивостью своею, могутъ выдумать все то, что имъ угодно для наряда, и прислать ему рисунокъ, онъ надѣется все въ скоромъ времени изъ волосъ сработать".

Конечно, наколка не могла дѣлаться изъ волосъ любимаго человѣка, но вѣдь при домѣ была многочисленная дворня, и нѣсколько Машекъ или Дашекъ могли лишиться своихъ толстыхъ до колѣнъ косъ, чтобы г. Блехъ свилъ изъ нихъ тонкую ажурную накидку...

Г. Блеха скоро смѣнилъ г. Сено-Кантень, который „извѣщалъ почтенную публику, что имъ изобрѣтены новаго фасона вещи изъ волосъ, выдѣланныя въ золотѣ и бриліантахъ, какъ то крестики, серги, перстни, браслеты, ожерелья, торбаны и пр.". Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ мастеровъ было значительное количество, такъ какъ мода на волосяныя издѣлія царила сравнительно большой промежутокъ времени.

* * *

Но волосяная цѣпочка, волосъ, вставленный въ перстень или медальонъ, только заставлялъ вспоминать, но не могъ сохранить изображеніе. Удовлетворить этому послѣднему спѣшили „силуэтисты".

„Пріѣхавшій сюда изъ Праги чужестранецъ Фридрихъ Ербань, упражняясь въ искусствѣ силуэтовъ—имѣемъ мы свѣдѣнія въ 1785 году — надѣется, что его послѣшность въ приготовленіи оныхъ и при томъ удачное въ томъ сходство привлекутъ къ нему многихъ охотниковъ".

„Недавно пріѣхавшій сюда силюетеръ, который въ Лифляндіи, Ригѣ и другихъ Россійскихъ городахъ довольно пріобрѣлъ похвалы, представляетъ здѣшней публикѣ свои услуги"—читаемъ мы извѣстіе за 1790 годъ и рядъ подобныхъ извѣстій находимъ съ конца 80-хъ годовъ XVIII столѣтія.

Силуэтисты не только рисовали силуэты, а также „вырѣзывали оные ножницами". Быстрота, съ которой дѣлались силуэты была поразительная: вышеупомянутый Ербань дѣлалъ грудной силуэтъ „не болѣе

Семейный силуэтъ.
Собств. С. Н. Тройницкаго.

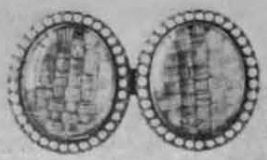
Силуэтъ интересенъ по своей рамкѣ, которая изображаетъ съ одной стороны гирлянду цвѣтовъ, съ другой — лавровыя вѣтви: все это сдѣлано изъ человѣческихъ волосъ.

Силуэтъ поэта Д. В. Веневитинова.
Собств. графини Л. Е. Комаровской.

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отвѣтной пѣснью отвѣчай!

Повторялись и будутъ повторяться эти стихи—такъ рельефно, такъ искренно высказано въ нихъ то, что, собственно говоря, составляетъ желанье каждаго... Увы, не каждому дана возможность слѣдовать этому совѣту, да и самъ поэтъ не могъ послѣдовать имъ: вслѣдствіе обычной, столь обидной случайности или неосторожности, поэтъ заразился тифомъ и умеръ 22 лѣтъ отъ роду... „Ахъ, Боже мой! какъ я виноватъ передъ матушкой, не могу двухъ строкъ написать!" повторялъ онъ неоднократно передъ своею смертью—и въ этихъ словахъ ярко охарактеризовалась глубокопоэтическая, чисто-хрустальная душа поэта...

Такимъ онъ кажется и на воспроизводимомъ нами силуэтѣ, сохранившемся въ семьѣ близкихъ родственниковъ.



Запонки Маріи Ѳеодоровны, супруги Императора Павла I.

Императорскій Эрмитажъ.

Запонки эти подъ стекломъ имѣютъ плетеніе изъ волосъ; кругомъ мелкій жемчугъ. Интересъ особенный онѣ имѣютъ потому, что, по преданію, въ нихъ заключены волосы Императора Павла I.

Брошка съ рѣшеткою изъ волосъ.
(Изъ коллекціи барон. Е. Ф. Таубе).

Медальонъ съ волосяными украшеніями.
(Изъ коллекціи К. Фаберже).

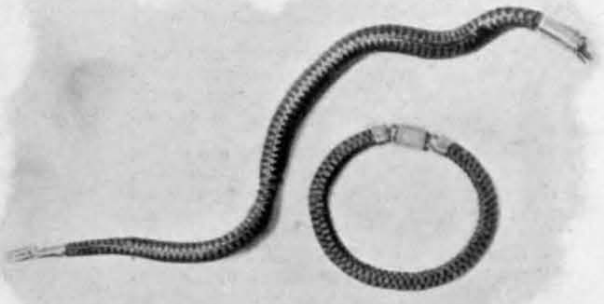
какъ въ 1 минуту", „во весь же ростъ человѣческій нѣсколько токмо минутъ времени употребляетъ"; другой мастеръ силуэтовъ указывалъ, что „онъ можетъ снимать отъ 20 до 25 силуэтовъ въ день".

Также различна была и стоимость силуэта: „за грудной силуэтъ брали 50 к., а за цѣльной во весь ростъ по 1 рублю". Когда же число мастеровъ увеличивалось, весьма естественно, что уменьшалась цѣна,—за изготовленіе трехъ силуэтовъ получали уже всего на всего 1 рубль.

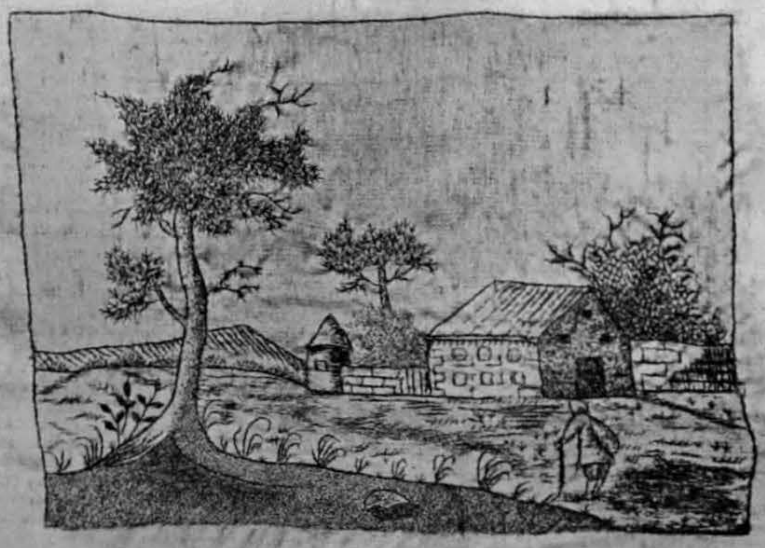
Исполнивъ силуэтъ, каждый мастеръ предлагалъ его уменьшить, „онъ уменьшаетъ образъ онаго такъ, что 12 таковыхъ силуэтовъ могутъ быть помѣщены въ одинъ перстень и будутъ всѣ съ образцами ихъ имѣть великое сходство равномѣрно". Еще одно свѣдѣніе: „въ большой Мѣщанской д. № 82 внизу на правой рукѣ продаются силуэты въ перстняхъ и медаляхъ".

Изготовляя силуэты по желанію заказчиковъ, почти каждый силуэтистъ въ свободное время дѣлалъ на продажу „силуэты какихъ либо памятниковъ, и даже цѣлыхъ событій", такъ продавалась картина, состоящая изъ 13 персонъ, и монументъ Петра I по 1 рублю, „оные же соединенныя въ группѣ въ силуэтѣ и красками иллюминованные 9 рублей, въ золотой же рамкѣ и за стекломъ особливо 1 р.".

Но силуэты дѣлались изъ бумаги, они были такъ легки, такъ малы, что немудрено было ихъ потерять,—и г-нъ Вильманъ „давалъ знать почтенной публикѣ, что онъ на фарфорѣ, стеклѣ и на бѣломъ эмалированномъ грунтѣ снимаетъ силуэты цѣлыхъ семей, представляя ихъ стоящими или сидячими".



Браслетъ изъ волосъ въ видѣ змѣйки. (Изъ коллекціи барон. Е. Ф. Таубе).



Пейзажъ изъ человѣческихъ волосъ.

Можно было увѣковѣчить себя на фамильномъ сервизѣ, можно было получить медальонъ съ силуэтомъ изъ особаго эмалированнаго состава, причемъ г. Вильманъ добавлялъ: „что же касается до положенія, одежды и изображенія дѣйствія человѣка, то представляется на волю каждаго". Можно было сняться и въ шитомъ парадномъ мундирѣ, и въ шлафрокѣ, съ чубукомъ въ рукахъ!

Нѣмые памятники когда то блестѣвшей, яркой жизни—сколько бы тайнъ и преданій поразсказали они намъ, если хоть на мгновеніе получили даръ слова.

П. Столпянскій.

„ВОСПОМИНАНІЯ“ В. Ф. ДУХОВСКОЙ.

Рѣдкой женщинѣ, особенно русской, выпадаетъ столько впечатлѣній, столько передвиженія по земному шару, какъ В. Ф. Духовской.

Рожденная княжна Голицына, она вышла замужъ за генерала Духовского; когда онъ былъ назначенъ—послѣ службы на Кавказѣ—Пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ, В. Ф. вмѣстѣ съ нимъ сдѣлала двѣ поѣздки въ Хабаровскъ. Тогда не было сибирской желѣзной дороги и самый быстрый путь въ Хабаровскъ былъ черезъ Америку, или по морю кругомъ Азіи!..

Послѣ назначенія генерала Духовского Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ—рядъ поѣздокъ въ Туркестанъ.

Благодаря высокому служебному положенію мужа В. Ф. было доступно многое, трудное для обыкновенныхъ путешественниковъ.

Двѣ книги воспоминаній составляютъ больше 700 страницъ, живыхъ, хотя нѣсколько и однообразныхъ. Языкъ во многихъ мѣстахъ тотъ характерный, на которомъ говорятъ русскіе, привыкшіе съ дѣтства къ французскому и англійскому. На этой почвѣ не мало курьезныхъ выраженій: „стѣны безъ бумажекъ“ (вмѣсто обоевъ), „эта каскада“, „доктора осматриваютъ конструкціи молодыхъ гидовъ, также какъ и рекрутовъ“, „Цукки извѣдала уже зубъ времени“, „толпа неистово аккламируетъ“, „они не могутъ быть вынуты, впиваясь въ тѣло“, „бифштексъ ѣдятъ для укрѣпленія здоровья“ и т. д.

Во многомъ чисто женское пониманіе окружающаго и здѣсь тоже не мало курьезнаго: „дорога въ Нью-Іоркѣ на сваяхъ“, „дома продаются по этажамъ и этажи разнаго стиля“, „одинъ усъ кита стоитъ десять тысячъ рублей“, „горы въ Восточной Сибири видны за 900 верстъ“, „телеграфная линія не выдержала такого количества телеграммъ и испортилась“, „разорванная мачта“ и т. д.

Но это искупается дѣйствительно интересными впечатлѣніями.

Приводимъ рядъ выдержекъ. Книга начинается воспоминаніями дѣтства и юности.

Папа вывезъ меня на большой придворный балъ; много стоило труда мама уговорить его на этотъ подвигъ; онъ такъ засидѣлся въ Должикѣ и въ Харьковѣ, что трудно было ему расшевелиться. Очень смущало его, выйти въ гостиную въ чулкахъ и башмакахъ, гдѣ собралось много дамъ смотрѣть на мое одѣваніе; онъ тихо, корридоромъ, минуя любопытные взгляды, пробрался прямо въ карету. Балъ былъ очень многолюденъ и блестящъ. Пришлось толкаться, чтобы видѣть, какъ члены Императорской фамиліи проходятъ полонезомъ. Мнѣ и здѣсь удалось много поплясать. Разгоряченная танцами, обратилась я къ рослому субъекту въ красномъ мундирѣ (приявъ его за лакея) съ просьбою принести мнѣ стаканъ воды,—(пробраться самой къ буфету было очень трудно); онъ улыбнулся, почтительно поклонился, и черезъ минуту, въ сопровожденіи другого краснаго человѣка, держащаго на подносѣ лимонадъ,—сказалъ (!): „имѣю честь представиться—сенаторъ К.“... это я перепутала мундиръ сенатора съ ливреей придворнаго лакея, имѣющихъ сходство лишь въ красномъ цвѣтѣ.

Въ большомъ дворцѣ долженъ былъ быть костюмированный балъ, обѣщающій изобразить изъ себя восьмое чудо міра; распредѣленъ онъ былъ на процессіи; шествіе долженъ былъ открыть В. К. Владиміръ Александровичъ превращенный въ солнце, возсѣдающее на золотой колесницѣ; кругомъ него 12 лучей солнца, и вмѣстѣ съ тѣмъ часовъ; мнѣ было предназначено быть однимъ изъ этихъ часовъ, которыхъ распредѣляли по росту; я должна была быть въ серединѣ,—изъ высокихъ; по бокамъ болѣе миніатюрные часы; костюмъ прелестный: розовая атласная туника, черезъ плечо золотая парча, волосы напудрены золотой пудрой, а на высокой прическѣ—маленькій циферблатъ, съ обозначеніемъ часа. За нами должны были слѣдовать камергеры (вѣроятно, для того, чтобы заводить камергерскими ключами часы, имѣющіе намѣреніе поотстать). Была назначена уже репетиція процессіи, какъ получилось извѣстіе о смерти какого-то нѣмецкаго принца, и балъ былъ отмѣненъ. Должна сознаться, что мои слезы чуть не надѣлали второго потопа.

Пребываніе Духовской въ Москвѣ совпадаетъ съ періодомъ террора (1880–81 г.г.), и соціалисты, и анархисты мерещатся автору потомъ всю жизнь не только въ Россіи, но и во всѣхъ частяхъ земного шара. Даже покупая апельсины, авторъ не можетъ удержаться отъ сомнѣнія—не бомбы ли это?!

Интересны воспоминанія о Москвѣ того времени.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ живетъ здѣсь совсѣмъ на правахъ царька, также окруженъ своимъ дворомъ, лестью и низкопоклонствомъ. По воскресеньямъ въ его домашнюю церковь собирается къ обѣднѣ чуть не вся Москва, то есть высокопоставленная часть ея. Пришлось и мнѣ поѣхать къ нему къ обѣднѣ, но, по моему, ѣздить туда подъ предлогомъ молитвы, это только грѣшить; не церковь это, а скорѣе салонъ, въ которомъ дамы осматриваютъ другъ друга съ ногъ до головы и взаимно критикуютъ туалеты. Хорошо, если пріѣдешь рано и займешь мѣсто у окна, а то приходится стоять посреди церкви, подъ перекрестнымъ огнемъ дамскихъ взглядовъ. Долгорукова во время обѣдни не видно; но, какъ только священникъ выноситъ крестъ, открывается потаенная дверь, и Долгоруковъ мѣрнымъ шагомъ къ нему подходитъ. Крестъ цѣлуется обыкновенно машинально, всѣ думаютъ только о томъ, что вотъ сейчасъ придется здороваться съ его сіятельствомъ, всякій надѣется, что услышитъ лишнее любезное слово изъ генералъ-губернаторскихъ устъ, и ревниво наблюдаетъ—кого онъ ими болѣе надѣлитъ. Затѣмъ, всѣхъ просятъ въ гостиную, гдѣ подается шоколадъ. Дѣвицы сидятъ отдѣльно отъ дамъ; такъ смѣшно смотрѣть на молодящихся старыхъ дѣвъ, боящихся покинуть свое давно насиженное дѣвичье мѣсто.

... Съ нетерпѣніемъ ожидался въ Москвѣ пріѣздъ Сары Бернаръ—извѣстной Парижской трагической актрисы. Костюмы ея умопомрачающіе; московскія портнихи нарочно ѣздятъ на ея гастроли, чтобы съобезьянничать съ нея фасоны. Труппа ея болѣе чѣмъ посредственная; просто потѣха, какое дѣлаетъ глупое лицо le jeune premier Damala въ то время, когда Сара страстно объясняется ему въ любви. Дамаля этотъ принадлежитъ къ лучшему парижскому обществу, и изъ-за пылкой любви къ Сарѣ сдѣлался актеромъ и послѣдовалъ за ней въ Россію. Въ Москвѣ только и разговору, что объ Сарѣ; кондитеръ Tremblay объявилъ въ газетахъ, что на одинъ фунтъ конфектъ каждому покупателю будетъ даромъ прилагаться ея портретъ. Публика же театральная не особенно сочувственно ее приняла. На другой же день Сара уѣхала въ Петербургъ, очень недовольная Москвой. Въ день моихъ именинъ множество перебывало у насъ съ поздравленіями, и главной темой для разговора служила Сара;—очень благодарна ей за эту ненамѣренную услугу.

... Въ большой модѣ въ Москвѣ симфоническіе концерты, но я закаялась на нихъ ѣздить; во-первыхъ, начинаются они лишь въ 9 часовъ вечера, а главное—бываетъ всегда такая давка, что съ трудомъ можно протиснуться; большая часть публики ѣдитъ показать себя и на другихъ посмотрѣть, а не слушать музыку. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ пріѣхалъ участвовать въ одномъ изъ этихъ концертовъ. За короткое время его пребыванія въ Москвѣ, дамы проходу ему не давали; надоѣдаютъ ему весь день съ просьбой выслушать ихъ пѣніе и произнести приговоръ,—годятся ли онѣ для сцены. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ попалъ къ Рубинштейну какъ разъ въ минуту такой пробы и говоритъ, что дама такъ завыла, что онъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать вонъ.

... А соціалисты все не дремлютъ! Нѣтъ-нѣтъ, да и дадутъ о себѣ знать. Въ народѣ пошелъ слухъ, что каждую ночь покойный Государь проходитъ медленной поступью изъ дворца въ Казанскій соборъ; дѣйствительно, разъ во время всенощной, въ глазахъ многихъ молящихся, появился Государь Александръ II, и громко произнесъ: „Передайте моему сыну, что я его жду“. Полиція тутъ же арестовала мнимаго Государя, который оказался однимъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, превосходно загримированный. Поговариваютъ, что коронація будетъ не въ Москвѣ, а въ Костромѣ, ибо въ Кремлѣ найдены потайные ходы, и опасаются, какъ бы не были проведены мины.

Сборный пунктъ соціалистовъ теперь въ Москвѣ. На Дѣвичьемъ полѣ, на строющейся всероссійской выставкѣ, поймана цѣлая шайка злоумышленниковъ, взявшаяся строить театръ съ подведенной подъ нимъ миной. Въ Сокольникахъ накрыта фабрика, въ которой дѣлались апельсины съ динамитомъ; этими смертоносными фруктами такъ бы и сыпали съ лотковъ (!).

Первая поѣздка въ Хабаровскъ совершается черезъ Америку. Ѣдутъ подъ чужими именами, боясь анархистовъ.

Въ Нью-Іоркѣ живутъ много анархистовъ; у Оларовскаго хранится борода и усы злодѣя, убившаго генерала Селиверстова, нашего московскаго знакомаго. Очень встревожилась я, когда мужъ, несмотря на мои просьбы, принялъ какого-то сомнительнаго господина, который пришелъ спеціально, чтобы узнать, какого мнѣнія мужъ о трактатѣ между Америкой и Россіей, насчетъ взаимной выдачѣ преступниковъ. Корреспонденты здѣшнихъ газетъ сильно заинтересовались нами,—все справляются у Шанявскаго, когда мужъ можетъ ихъ принять для „interview“. Первымъ явился

корреспондентъ „Mail Express“ и принесъ выписки изъ корреспонденцій разныхъ газетъ, касающіяся насъ; ну, ужъ и небылицы въ нихъ!.. Л. И. Серебряковъ оказывается извѣстнымъ своей жестокостью—варваромъ; Шанявскій—знаменитый всемірный путешественникъ; а я—небывалая красавица *царскаго рода*, обладательница феноменальныхъ брилліантовъ и милліарднаго состоянія. Контора пишущихъ машинъ прислала мужу письмо съ просьбой о разрѣшеніи написать о немъ 250 корреспонденцій,—разумѣется, за большую плату. Журналъ „Harper's magazine“ также проситъ фотографію мужа и мою. Извѣстная американская богачка m-rs Vanderbildt письменно проситъ мужа прислать ей свой автографъ, дабы она могла прибавить его къ коллекціи автографовъ разныхъ знаменитостей.

Въ Санъ-Франциско, наконецъ, кончаются страхи.

Позавтракавъ ранѣе обыкновеннаго, отправились мы на пристань. Дорогой намъ попалась навстрѣчу живая реклама индѣйскаго цирка; ѣдетъ верхомъ масса „Cow boys“, амазонокъ, фермеровъ. Наткнулись и на другой курьезъ: посереди улицы стоитъ перевозимый съ одного мѣста на другое трехъ-этажный деревянный домъ. Невдалекѣ отъ пристани меня испугала на заборѣ надпись: „Shure death“ (вѣрная смерть), но, взглянувъ ниже, я успокоилась. Оказалось, что вѣрная смерть ожидаетъ насѣкомыхъ, если употреблять порошокъ, который рекламируетъ эта заборная реклама.

Вотъ вступили мы на пароходъ „Перу“—нашу плавучую квартиру на восемнадцать дней! Пришли проводить насъ русскій консулъ и вице-консулъ,—очень галантный кавалеръ, который поднесъ мнѣ букетъ изъ никогда не видянныхъ мною розовыхъ цвѣтовъ, носящихъ названіе „American beauties“. Начальникъ тайной полиціи все время ходитъ около насъ съ двумя агентами; городскія власти прислали ихъ охранять мужа. Два репортера американскихъ газетъ протиснулись-таки къ намъ и имѣли съ нами „interview“.

Варв. Фед. Духовская.

Реморкеръ съ трудомъ вытащилъ „Перу“ изъ массы окружавшихъ его пароходовъ, и вотъ—двинулись мы въ дальнее плаваніе, избѣжавши, слава Богу, выходокъ американскихъ соціалистовъ (!).

Вся прислуга, въ томъ числѣ и поваръ—китайцы, а maitre d'hôtel—мулатъ. Boys плохо понимаютъ по-англійски—дамамъ и мужчинамъ одинаково говорятъ „Sir“ (сударь). За столомъ замѣчаютъ они привычки каждаго пассажира и скоро приноравливаются къ нимъ. Какая разница съ грубой американской прислугой. Во время обѣда они надѣваютъ поверхъ синихъ балахоновъ бѣлые рукава, и прячутъ кончики косъ въ карманы, чтобы не путались между ногами. Въ половинѣ четвертаго утра начинается уже чистка парохода: убирая каюты, boys закручиваютъ косы кругомъ головы. Въ одиннадцать часовъ происходитъ „Inspection“: капитанъ, а за нимъ гуськомъ пароходный докторъ и maitre d'hôtel обходятъ каюты и строго осматриваютъ—все ли въ порядкѣ; boys страшно боятся грознаго тріумвирата, собираютъ съ пола до единой крошки и пыль съ карнизовъ стираютъ рукавами.

Тараканова въ моей каютѣ цѣлые легіоны. Ложась спать, я охочусь за ними, заворачиваю въ бумажки и бросаю въ корридоръ (довольно-таки эгоистично!).

Когда въ Петербургѣ полдень, то здѣсь двѣнадцать часовъ ночи, и еслибъ прорѣзать земной шаръ, то жители Петербурга очутились-бы къ намъ вверхъ ногами (!). Въ 12 часовъ происходитъ измѣреніе пространства, пройденнаго нами за сутки; мы дѣлаемъ въ часъ одиннадцать съ половиною узловъ (!).

Во всѣхъ каютахъ вывѣшены пароходныя правила „Rules and regulations“: 1) не зажигать спичекъ, 2) въ случаѣ несчастія не бросаться къ лодкамъ, 3) не пугаться, если забьютъ пожарную тревогу „Fire alarm“; это дѣлается разъ въ недѣлю для обученія матросовъ. Начинается эта процедура съ рева сирены, затѣмъ со всѣхъ сторонъ парохода раздаются крики „Fire!“ матросы летятъ на палубу, открываютъ трубы, выливаютъ воду въ океанъ, и при этомъ радостно смѣются.

Ѣдетъ съ нами компанія великосвѣтскихъ нѣмцевъ-туристовъ изъ Берлина; между ними есть пѣвецъ, сантиментально распѣвающій романсъ „Mit einer Rose in der Hand bist du geboren!“ Капитанъ американскаго паруснаго судна не служитъ украшеніемъ нашего table d'hôte, и жена его также очень неинтересна. Молодой мексиканецъ, служащій въ посольствѣ въ Токіо, возвращается изъ отпуска въ Европу; его родители пріѣзжали изъ Мексики въ Санъ-Франциско, нарочно, чтобы проводить его. Ѣдетъ также съ нами американскій миссіонеръ методистъ, возвращающійся въ Корею съ больной женой и четырьмя дѣтьми. Младшій ребенокъ грудной, родился въ Америкѣ во время отпуска миссіонера; старшія дѣти неистово кричатъ въ salon, мальчикъ-буянъ возлюбилъ (!) игру въ желѣзную дорогу, и что есть силы кричитъ, останавливаясь послѣ долгаго скаканія кругомъ salon: „Station Philadelphia!“ отецъ его все останавливаетъ словами: „Halloo, Henry“! Мучаетъ онъ также безпощадно котенка m-rs Burger,—я всегда лечу на помощь, услыхавъ его жалобное мяуканье.

Плывемъ мы уже цѣлую недѣлю, а ни одного парохода еще не встрѣтили. Сегодня въ первый разъ показались вдали бѣлые паруса, всѣ пассажиры и матросы встрепенулись, кричатъ. „A sail“ (парусъ) это, вѣроятно, какой-нибудь хищникъ, занимающійся ловлей котиковъ.

18-го. Сегодня прошли ровно половину пути и по этому случаю выпили за обѣдомъ бутылку шампанскаго. Провизія истощается, цыплята испортились, вмѣсто „Chicken soup“ даютъ отвратительный „beaf tea“. Налегли теперь на устрицы: супъ изъ устрицъ, „vol-au-vent“ изъ устрицъ, и такъ далѣе. Я питаюсь однимъ только рисомъ.

Такъ скучно безъ газетъ! Совсѣмъ не знаемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ!

20-го. Если это только возможно, то еще больше качаетъ, изъ буфета доносится звукъ разбиваемой посуды; докторъ Покровскій упалъ на палубѣ съ кресла. Кругомъ насъ густой молочнаго цвѣта туманъ; неумолкавшая сирена еще болѣе разстраиваетъ мои донельзя взвинченные нервы. Совсѣмъ ослабѣла я,—сколько ночей ужъ не сплю! Сегодня прошли 180-й меридіанъ, пропустивъ цѣлый день; сегодня *понедѣльникъ* 20 августа, а завтра будетъ *среда* 22 августа.

Жизнь въ Хабаровскѣ кажется скучной до сплина: свѣтская женщина тоскуетъ тутъ, несмотря на почетъ и всевозможныя удобства.

Какъ-то разъ въ воскресенье, послѣ обѣдни, пятнадцать гольдовъ христіанъ, въ одеждѣ изъ рыбьей кожи (?), пришли къ мужу съ челобитной; ужасный запахъ распространился отъ нихъ по всему дому. Гольды эти всему удивляются, пальцемъ показываютъ на картины и на мебель, особенное вниманіе обратили они на паркетъ. Трудно будетъ мужу приручить этихъ дикарей, которые кочуютъ зимой въ дремучихъ лѣсахъ, живутъ охотой на звѣря, убивая его стрѣлами, ѣздятъ на собакахъ и счетъ ведутъ не на деньги, а на соболи. На дняхъ у гольдовъ большой праздникъ (медвѣдя); цѣлый годъ они кормятъ косолапаго Мишку, и въ концѣ концовъ съѣдаютъ его. Напоили мы гольдовъ чаемъ въ буфетѣ, уходя, они забрали съ собой весь оставшійся хлѣбъ и сахаръ; изъ оконъ намъ видно, какъ они мчатся карьеромъ по льду, на двухъ нартахъ запряженныхъ собаками.

... 26 ноября—праздникъ сибирскаго чудотворца Иннокентія. Большая партія гольдовъ пріѣхала поздравить мужа съ мѣстнымъ праздникомъ и привезла ему въ подарокъ губы лося.

... Дьяконъ—личность совсѣмъ романическая, родился въ Америкѣ отъ бѣлаго отца и черной матери, въ юности былъ мичманомъ на американскомъ суднѣ и два раза перетерпѣлъ (!) кораблекрушеніе; послѣ первой морской аваріи онъ очутился во Владивостокѣ. Въ непрекрасный день сидитъ онъ въ отрепьяхъ на пристани и раздумываетъ о своей горькой долѣ; несчастный видъ его привлекъ вниманіе проходившаго мимо коммерсанта-американца, который, узнавъ, что мичманъ умѣетъ стряпать, нанялъ его къ себѣ поваромъ; но волкъ все въ лѣсъ глядитъ, такъ и морякъ на воду, удралъ онъ отъ своего коммерсанта опять въ Америку. Второе кораблекрушеніе было еще болѣе фантастическое. Просидѣлъ онъ восемь дней съ двумя товарищами на льдинѣ, безъ всякой пищи; голодъ заставилъ этихъ несчастныхъ съѣсть сапоги, но этого мало, и было рѣшено, что одинъ изъ нихъ долженъ пожертвовать своей собственной персоной для съѣденія; жребій палъ на будущаго дьякона, которому было предоставлено застрѣлиться. Только что собирался онъ спустить курокъ, какъ видитъ, что что-то большое, черное ползетъ на льдину,—это оказался моржъ, котораго тутъ же убили, и питались его мясомъ, пока не были спасены проходящимъ—(проходившимъ?) мимо пароходомъ. Мичманъ въ благодарность за чудодѣйственное спасеніе, далъ клятву принять духовное званіе. Судьба вторично забросила его во Владивостокъ, гдѣ онъ и исполнилъ свое обѣщаніе.

... На Военной горѣ, въ открытомъ балаганѣ, любители-китайцы даютъ драматическія представленія; пьесы по большей части историческія и дѣйствія происходятъ три тысячи лѣтъ назадъ. Актеры денегъ за представленіе не берутъ, считая это за безчестіе, и передъ ихъ балаганомъ стоитъ несмѣтная толпа китайцевъ.

Въ концѣ января производилась перепись хабаровскихъ жителей, оказалось, что много китайцевъ живутъ на лодкахъ, не имѣя никакого пристанища.

На Муравьево-Амурской улицѣ существуетъ вывѣска „Театральный парикмахеръ", а самого-то зданія театральнаго нѣтъ; спектакли изрѣдка даются наѣзжими труппами въ общественномъ собраніи. Прибыла сюда малороссійская труппа и наняла себѣ сборный оркестръ, состоящій изъ шести человѣкъ. На одномъ изъ представленій, на которомъ присутствовалъ мужъ, оркестръ долженъ былъ сыграть во время антракта: „Songe après une nuit de bal", а віолончелистъ внезапно исчезъ; это оказался бѣглый каторжникъ, сосланный на Сахалинъ за убійство, и бѣжавшій уже одинъ разъ, бросившись въ кандалахъ въ рѣку. Онъ былъ пойманъ вторично въ Петербургѣ на Невскомъ, разъѣзжающій въ каретѣ, переодѣтый барыней. Бѣжалъ онъ вторично, но уже по направленію къ Сибири, и нанялся во Владивостокѣ кочегаромъ на пароходѣ, перевозившемъ каторжниковъ; по ночамъ онъ незамѣтно отлучался, и пѣлъ куплеты въ мѣстномъ кабачкѣ. Убійца этотъ очень красивъ, элегантенъ и говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ. Владивостоку ему скоро надоѣлъ, онъ перебрался въ Хабаровскъ, и съ фальшивымъ паспортомъ унтеръ-офицера Измайловскаго полка, нанялся музыкантомъ въ хоръ окружного штаба. Игралъ онъ на Малороссійскомъ спектаклѣ въ двухъ шагахъ отъ мужа, сзади котораго сидѣлъ Таскинъ, бывшій Сахалинскій окружной начальникъ; каторжнику показалось, что Таскинъ его узналъ (на ворѣ и шапка горитъ), и что онъ указываетъ на него полиціймейстеру, онъ и удралъ.

Путешествіе изъ Восточной Сибири въ Петербургъ, въ отпускъ. Остановка на островѣ Ява.

Подъ окнами у насъ растутъ кофейныя деревья съ бѣлыми цвѣтами и спѣлыми уже плодами. На Явѣ зимы не бываетъ, годъ раздѣляется здѣсь на два сезона, дождливый и сухой; самые прохладные мѣсяцы—іюль и августъ, а самые жаркіе—ноябрь и декабрь, когда льютъ непрерывные теплые дожди. Теперь здѣсь жара и гниль; комары совсѣмъ заѣдаютъ, а стѣны и потолокъ кишмя-кишатъ ящерицами. Нисколько не лучше здѣсь, чѣмъ въ Батавіи, вотъ только что ночи попрохладнѣе. Жара начинается съ семи часовъ утра и продолжается до четырехъ. Постояльцевъ въ отелѣ кромѣ насъ только двѣ голландскія семьи, пріѣхавшія съ острова Борнео. Иностранцевъ на Явѣ очень мало, на всемъ островѣ поселилось лишь пятьдесятъ европейскихъ семействъ.

Сегодня утромъ на дворѣ резидента убитъ боа, въ три метра длиной; закусивши курицей, онъ расположился здѣсь для послѣобѣденнаго отдыха и былъ изрубленъ на куски. Змѣя эта очень опасная, нападая на человѣка, она обвивается вокругъ шеи и душитъ. Подъ окномъ у меня кричитъ, точно ревъ сирены, оригинальный звѣрекъ—земляная собачка; когда Мечиславъ Іосифовичъ нащелъ ея норку, она залаяла на него совсѣмъ какъ собака.

Къ обѣду пріѣхалъ Бакунинъ; вечеромъ близъ отеля игралъ хоръ военной музыки.

19-го. Въ половинѣ двѣнадцатаго мужъ съ Шанявскимъ и консуломъ поѣхали къ резиденту, который прислалъ за ними свое ландо; кучеръ и стоящія на запяткахъ лакеи явайцы босые, въ голубыхъ курткахъ съ бѣлыми позументами, черезъ плечо эксельбантъ, на головѣ голубая каска. Резидентъ встрѣтилъ мужа на верхней площадкѣ лѣстницы, на которой черезъ двѣ ступени стояли явайцы въ шикарныхъ ливреяхъ. Во время бесѣды у резидента подавалось шампанское; яваецъ-слуга принесъ на подносѣ папиросы и подалъ ихъ ставъ на колѣни; какъ противно это раболѣпство!

Въ мѣстныхъ газетахъ про насъ ежедневно пишутъ. Сегодня въ нихъ говорится, что мы снимались у Бьютензоргскаго фотографа, а не въ Батавіи, по той причинѣ, что тамошній фотографъ анархистъ, вотъ вздоръ! Весь день сижу въ номерѣ и обмахиваюсь вѣеромъ, а мужъ со своими спутниками поѣхалъ кататься по окрестностямъ Бьютензорга, въ экипажѣ резидента, запряженномъ двумя парами цуговъ.

18-го. Съ ранняго утра мужъ опять поѣхалъ кататься съ Шанявскимъ; заѣзжали они на казенную ферму, гдѣ имъ показывали плантаціи кофе, чая, какао, перца и индиго. Обѣдали они у резидента; обѣдъ былъ очень парадный, дамы въ вырѣзанныхъ платьяхъ и бриліантахъ, за каждымъ стуломъ стояло по явайцу. Жена и дочь резидента оказались очень радушными и любезными хозяйками, но нестерпимая жара портила всѣмъ аппетитъ; здѣсь панки не существуютъ, такъ какъ голландцы считаютъ ихъ вредными для шевелюры, отъ нихъ, якобы, лысѣютъ.

Сингапуръ.

23-го. Съ разсвѣтомъ прибыли въ Сингапуръ и остановились въ томъ же Hôtel de l'Europe. Передъ обѣдомъ успѣли съѣздить въ ботаническій садъ и на цистерны, находящіяся въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ; въ большомъ бассейнѣ собрана тутъ вода для питья всего Сингапура. Возвращались мы подъ вечеръ, когда уже стемнѣло; навстрѣчу намъ попадались возы запряженные зубрами (?), сидящіе въ нихъ туземцы держатъ зажженные факелы; здѣшній народъ очень боится темноты и злыхъ духовъ, которые, по ихъ повѣрью, при свѣтѣ не появляются.

Въ Коломбо, на Цейлонѣ.

30-го. Комары и духота всю ночь не дали спать, рады были перебраться на пароходъ. До отплытія я стояла на палубѣ, смотрѣла какъ восемь сингалезовъ, качаясь на двухъ лодкахъ, за брошенную имъ монету, пѣли „тарарабумбія" и при этомъ энергично били себя по бедрамъ.

Обратно въ Хабаровскъ. Снова на Цейлонѣ.

Отель нашъ стоитъ на берегу озера, мѣстоположеніе идеальное. Типы здѣшніе точно взятые изъ Библіи: въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ распущенными длинными волосами; у нѣкоторыхъ сингалезовъ лобъ вымазанъ бѣлой краской.

Въ Кенди живутъ шесть турецкихъ пашей, взятыхъ въ плѣнъ англичанами въ Египтѣ, въ войнѣ съ магдистами; между ними находится знаменитый Араби-паша со своей семьей. Славится также Кенди своими баядерками, но онѣ увезены теперь въ Лондонъ на какую-то выставку; живутъ эти танцовщицы разбросанно, по разнымъ окрестностямъ Кенди.

Передъ обѣдомъ пошли мы съ гидомъ въ главный буддійскій храмъ смотрѣть на богослуженіе. Этотъ храмъ богатства неописаннаго (!): всюду золото и серебро, двери всѣ рѣзныя изъ слоновой кости. При самомъ входѣ прошли мы длинной галереей, въ которой собрана коллекція портретовъ здѣшнихъ прежнихъ властелиновъ, между которыми попался, ужъ не знаю почему, портретъ Сіамскаго короля. Въ громадномъ золотомъ ковчегѣ хранится зубъ Будды, а въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи—нога Адама. Въ храмѣ лежатъ грудами на подносахъ священные цвѣты—лотусы и жасмины, запахъ которыхъ просто одуряющій. Бритыя женщины — бонзы, надѣлили насъ цѣлой охапкой этихъ цвѣтовъ. За нѣсколько минутъ до прихода жрецовъ бьютъ въ барабанъ и въ гонгъ. Процессія старшихъ бонзъ въ желтыхъ хламидахъ идетъ сначала мыть руки и ноги, а затѣмъ направляется къ зубу Будды. Въ храмѣ темно, кое-гдѣ лишь горятъ свѣтильники, такъ напоминаетъ эта обстановка декорацію въ оперѣ—Лакме.

Опять по Индѣйскому океану обратно въ Петербургъ. Въ Китаѣ, въ Макао.

Насъ поднесли къ границѣ Макао съ Китаемъ,—„Puerta", гдѣ стоитъ португальскій караулъ, а по ту сторону—китайскій. Вступили мы въ Китай лишь на одну минуту, и вернувшись назадъ, осмотрѣли шелковую фабрику, на которой работаютъ 650 китаянокъ: многія изъ нихъ имѣютъ при себѣ дѣтей и просятъ для нихъ подачку. Fun предупредилъ насъ заранѣе, что мужчинамъ запрещено проходить мимо двухъ рядовъ работницъ, которыя моютъ въ кипяткѣ шелковичные коконы, а затѣмъ разматываютъ шелкъ на большихъ колесахъ... Во многихъ мѣстахъ здѣсь, прямо на улицахъ, стоятъ изображенія боговъ счастія, передъ которыми курятся узкія пахучія красныя свѣчи. Наши носильщики спустились съ нами, по очень крутой лѣстницѣ, къ развалинамъ старинаго монастыря „San Paolo", а затѣмъ круто въ гору подняли насъ въ рощу, гдѣ между двумя тѣсными скалами стоитъ памятникъ одноглазаго португальскаго поэта XV столѣтія Luiz Camoens, сосланнаго сюда за слишкомъ большую либеральность (!). Надъ его памятникомъ въ большомъ камнѣ, въ хаотическомъ нагроможденіи скалъ, вырѣзана книга съ заглавіемъ его произведеній и нѣкоторыхъ(ыми?) изъ нихъ. Отсюда отправились мы къ китайскому фотографу, купить виды Макао; въ это время снимались у него двѣ крашеныя, расфуфыренныя японки, которыя все жеманились и хихикали. Носильщики наши (кули) разбѣжались, и ни за какія деньги не согласились воспроизвестись на бумагѣ вмѣстѣ съ христіанами; пришлось обойтись безъ нихъ, но мы все-таки снялись въ паланкинахъ. Вечеромъ мы пошли къ берегу моря смотрѣть фосфорэсцію волнъ, а потомъ отправились въ игорный домъ, гдѣ идетъ азартная игра въ „Fanton" (въ родѣ рулетки). Такихъ игорныхъ домовъ въ Макао цѣлыхъ шестнадцать, освѣщены они снаружи яркими фонарями. Мы смотрѣли на игру съ верхней галереи, гдѣ также происходила игра: китайцы спускали отсюда деньги въ корзинѣ, привязанной къ длинной веревкѣ. Я послѣдовала ихъ примѣру, и проиграла одинъ долларъ. Въ залу вошла съ большимъ апломбомъ разодѣтая европейка съ двумя кавалерами,—повидимому, это завсегдатаи здѣшняго вертепа, по крайней мѣрѣ женщина эта чувствовала себя совсѣмъ какъ дома, и вынимала деньги цѣлыми пригоршнями изъ чулка. Въ нижнемъ этажѣ въ большомъ залѣ китайцы накуриваются опіумомъ; Fun, подъ предлогомъ показать намъ какъ это дѣлается, съ наслажденіемъ выкурилъ трубку.

На пароходѣ.

4-го. Кормятъ насъ отвратительно, утромъ даютъ овсяную кашу (porridge) и невозможный чай; мы какъ-то попросили boy'я разбавить эту бурду водою, и что же онъ сотворилъ?—разбавилъ чай изъ-подъ крана въ ваннѣ, а другой разъ, чтобы узнать теплый ли чай, boy опустилъ свой грязный палецъ въ чайникъ. Разсмѣшила меня сегодня за обѣдомъ Марья Михайловна: просматривая menu, она показала на выбранное блюдо, говоря по-русски: *„Вотъ это"*,—и ей все приносили блюдо съ картофелемъ, boy думалъ, что она спрашиваетъ по-англійски potatoe (выговаривается *потэто*).

И. т. д.

Курьезы книги дѣлаютъ ее только интереснѣе. Все разсматривается подъ особымъ угломъ зрѣнія русской свѣтской женщины — книга тѣмъ оригинальнѣе.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

...Чѣмъ культурнѣе становится народъ, тѣмъ больше у него развивается любовь къ своему „home", собственному уюту, хотя маленькому особняку, хотя бы двумъ-тремъ комнатамъ, хотя бы на пятидесяти квадратныхъ саженяхъ земли, но своимъ... и своимъ не потому, что тутъ сказывается жажда накопленія, а потому что въ своемъ углу каждый окружаетъ себя по своему. Его не давитъ чужая жизнь, нивелирующіе средніе вкусы (а вѣрнѣе безвкусіе). Въ его интимную жизнь не залѣзаютъ посторонній глазъ и ухо, его „я" свободнѣе... Англичане, голландцы, норвежцы, датчане, вообще люди съ большой инициативой, индивидуалистическія націи, раньше другихъ проникліись этой любовью. Стремленіе на окраину города, въ усадьбу—вѣрнѣйшій показатель культурнаго роста.

У насъ въ Россіи послѣ „періода усадебнаго", во время крѣпостного права, наступилъ періодъ упадка усадебной жизни. Теперь онъ снова начинаетъ возрождаться. Вмѣстѣ съ культурными уголками пойдетъ по всей землѣ русской начнется и культура деревни: это тѣсно связано одно съ другимъ.

Нельзя насильно заставить любить родную усадьбу, если душа лежитъ къ жизни Парижа. Но усадьба станетъ милѣе, если вдуматься, что истинно культурный человѣкъ не можетъ не стремиться туда. Не всѣ умѣютъ думать, это не такъ просто! какой то философъ доказывалъ, что логично умѣетъ думать одинъ изъ ста, не больше... Это гипербола, но дѣйствительно трудно думать, самоуглубиться, полюбить, скажемъ, книгу среди шума и суеты большого города, нервамъ нуженъ отдыхъ... Еще даже проще—для довольства жизнью необходимы контрасты—нужна шумная „столица" и тихая „усадьба". Тогда только сильны будутъ радости жизни. Тѣ же самыя, маленькія, немногія, а покажутся гораздо сильнѣе. Въ какой-нибудь Ивановкѣ нужно переваривать впечатлѣніе Парижа и пріѣзжать въ Парижъ съ нервами, отдохнувшими въ Ивановкѣ...

* * *

Такъ пишетъ одинъ изъ нашихъ читателей.

ЯПОНСКАЯ МУЗЫКА.

Не только широкая публика, но и музыканты-спеціалисты до недавняго времени имѣли о японской музыкѣ самое смутное представленіе. Въ Россіи интересовались культурными успѣхами Японіи, ея поэзіей и плѣнительной живописью, но о музыкѣ, въ которой, быть можетъ, непосредственнѣе всего отразилась душа народа, почти ничего не знали. Пріѣздъ въ Петроградъ токійскихъ артистовъ, г. Іонаково и г. Накао, ознакомилъ насъ въ полной мѣрѣ съ очарованіемъ японской магіи звуковъ.

Было трудно сразу освоиться со звукосозерцаніемъ японцевъ, столь чуждымъ европейскому художественному. Но, вникнувъ въ особые пріемы японскаго музыкальнаго творчества, начинаешь улавливать многія характерные черты ихъ экзотической музыкальной культуры, въ извѣстныхъ отношеніяхъ далеко превосходящей европейскую.

Основной характеръ японской музыки унисонный, въ ней почти совершенно отсутствуетъ элементъ гармоническій, и это обстоятельство дѣлаетъ ее нѣсколько однообразной на нашъ слухъ. Но какую неизвѣданную еще художническую прелесть таитъ эта, на первый взглядъ, скудозвучная музыка! Сколько своеобразной красоты кроется въ ея прихотливыхъ мелодическихъ линіяхъ. Сколько нѣжныхъ звуковыхъ нюансовъ умѣютъ вносить въ свое исполненіе японскіе артисты, какъ тщательно выработана у нихъ фразировка, какъ богата ихъ музыкальная рѣчь экспрессивными оттѣнками. Всевозможные способы художническаго выраженія, частью забытые европейской музыкой, а частью ей совершенно незнакомые, доведены у японцевъ до высшаго предѣла утонченности. Самыя затѣйливыя мелодическія украшенія, фіоритуры, фантастическія трели составляютъ обычный декоративный фонъ этой музыки...

Значительно разнообразнѣе, чѣмъ въ европейскомъ музыкальномъ искусствѣ у японцевъ развито ритмическое строеніе. Временами казалось, что исполненіе экзотическихъ музыкантовъ переходитъ въ свободную импровизацію. Но, несмотря на преобладаніе „tempo rubato" можно установить точную повторяемость отдѣльныхъ мелодическихъ фразъ, и это указывало съ несомнѣнностью, что кажущаяся свобода музыкальной декламаціи покоится на строго опредѣленныхъ правилахъ.

* * *

Музыка японцевъ имѣетъ свою тысячелѣтнюю исторію.

Подобно многимъ инымъ сторонамъ своей духовной культуры, Японія заимствовала музыкальное искусство у Китая. Художественная зависимость японской музыки отъ поднебесной имперіи [1]) изобличаетъ рядъ народныхъ инструментовъ, изъ коихъ самый распространенный „кото", прямой потомокъ древней китайской арфы. Еще понынѣ, несмотря на значительное культурное превосходство Японіи, „made in China" считается для музыкальныхъ инструментовъ гарантіей ихъ высокаго достоинства.

Однако, строй японскаго „кото" существенно разнится отъ основного звукоряда, на которомъ зиждется вся старокитайская музыка. Какъ извѣстно, китайцы издревле пользуются гаммой, лишенной полутоновъ, интерваловъ, непріемлимыхъ для первобытнаго слуха. Слухъ же японцевъ оказывается гораздо болѣе развитымъ и позволяетъ имъ примѣнять чрезвычайно странный звукорядъ: c, des, f, g, as, c.

При игрѣ на кото японскіе музыканты видоизмѣняютъ эту гамму по своему усмотрѣнію, дополняя и расширяя ее. Узнать что-либо подробное на этотъ счетъ у японскихъ артистовъ оказалось, впрочемъ, невозможнымъ. Музыканты „страны восходящаго солнца" совершенно лишены теоретическихъ знаній. Это отсутствіе объясняется, вѣроятнѣе всего, особенностями японскаго нотнаго письма. Въ то время, какъ наши нотные знаки обозначаютъ исключительно высоту тона и его длительность, японскія ноты относятся всегда къ опредѣленному инструменту и обозначаютъ либо струну (на кото), либо звуковое отверстіе (на флейтѣ), либо лады на народной гитарѣ. Писанныя ноты имѣютъ значительно меньшее распространеніе, чѣмъ у насъ. Музыкальныя произведенія — не только народныя пѣсни, но и композиціи для разныхъ инструментовъ—передаются по слуху отъ поколѣнія къ поколѣнію. Каждый новый исполнитель украшаетъ завѣтную схему пьесы по своему собственному вкусу и умѣнію.

Ревниво храня свои народныя мелодіи, японцы оказываются воспріимчивыми и къ современному европейскому музыкальному искусству. Высшіе слои японскаго общества изучаютъ игру на фортепіано и другихъ западныхъ инструментахъ. Японское правительство посылаетъ на казенный счетъ въ Европу молодыхъ артистовъ для изученія музыкальной науки...

* * *

„Кото" представляетъ собой лежачую тринадцатиструнную арфу съ подвижными подставками—ладами. Играютъ на ней пальцами правой руки, вооруженными особыми „ногтями" изъ слоновой кости, свободная же лѣвая давленіемъ на часть струны, по ту сторону подставокъ, измѣняетъ высоту тона. Мы приводимъ на стр. 24 царственный экземпляръ этого инструмента, покрытый прелестной инкрустаціей и украшенный изящно оконтуренными черепаховыми пластинками. Струны, изъ розоваго шелка, особымъ образомъ закрѣплены на верхней части деки.

Кромѣ „кото" наши японскіе гости пользовались также „самисеномъ" (родъ японской лютни въ три струны), на которой играютъ съ помощью особой костяной лопаточки, и „шакохачи", бамбуковымъ духовымъ инструментомъ съ шестью звуковыми отверстіями, однимъ изъ ближайшихъ родичей прямыхъ флейтъ. Игравшій на „шакохачи" артистъ Накао умѣлъ извлекать изъ этого инструмента звуки сказочной красоты.

Всѣ три инструмента соединялись также въ ансамбли. Японскія пьесы для такихъ ансамблей обыкновенно пишутся на весьма поэтичныя программы. Нѣсколько образцовъ напечатаны были на афишахъ концертовъ, данныхъ токійскими артистами.

Сосны на берегу моря. Берегъ моря. Сосновая роща на берегу. Легкіе порывы вѣтра проносятся тихо, широко и заунывнозвучно надъ просторомъ моря, прилетаютъ на берегъ къ низкимъ, причудливымъ вѣтвямъ сосенъ, разсыпаются быстро, торопливо, шелестя, ища себѣ дорогу между тысячами задерживающихъ и какъ бы заигрывающихъ съ нимъ иглъ.

Осенніе листья клена. То нѣжно, то игриво звучитъ музыка, какъ переливы причудливыхъ красокъ, и по временамъ проносится вѣтерокъ и слышится сухой шелестъ листьевъ. (Соло на кото).

Звѣзды. Яркое звѣздное небо. Звѣзды зовутъ поэта и манятъ его въ далекій торжественный просторъ. Радостное возбужденіе

(См. стр. 23).

[1]) Между прочимъ распространенное названіе Китая „небесной имперіей" является грубымъ заблужденіемъ съ точки зрѣнія синологіи.

Завѣдующій Бюро и Предсѣдатель Совѣта генералъ-маіоръ И. А. Овчинниковъ. Члены Совѣта: сенаторъ А. Д. Арбузовъ, А. Е. Пфафіусъ, М. И. Горемыкинъ, Е. А. Бухе (замѣститель завѣдующаго), Н. Д. Рафаловичъ, Ю. С. Кауфманъ. Представители вѣдомствъ: А. П. Вейнеръ, И. П. Дмитровъ, Ф. В. Северинъ, Л. Л. Москалевъ. Секретарь Совѣта Д. В. Даниловъ. Приглашаемые въ засѣданія: Е. Н. Шаринъ, И. С. Ежовъ, М. И. Манцевъ, Петроградскій почтъ-директоръ Н. Н. Менделѣевъ.

Регистрація справокъ.

Центральное Справочное Бюро о военноплѣнныхъ при Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста **въ Петроградѣ.**

Бюро учреждено въ Петроградѣ съ самаго начала войны. Во главѣ Бюро стоитъ профессоръ ген.-м. И. А. Овчинниковъ; въ Совѣтъ входятъ А. Д. Арбузовъ, А. Е. Пфаффіусъ, М. И. Горемыкинъ, Е. А. Бухе, Н. Д. Рафаловичъ, Ю. С. Кауфманъ, Д. В. Даниловъ (секретарь) и представители различныхъ вѣдомствъ. Помѣщается Бюро въ зданіи Музея Александра III.

Вся работа Бюро распредѣляется по слѣдующимъ отдѣламъ: канцелярія, справочный отдѣлъ, отдѣлы русской и иностранной регистраціи, отдѣлъ храненія имущества военноплѣнныхъ и почтовый. О размѣрахъ дѣятельности Бюро могутъ дать представленіе слѣдующія цифры: въ Бюро поступаетъ ежедневно около 5.000 „входящихъ", отправляется около 3.500 „исходящихъ", однихъ справокъ выдается около 2.000 въ день. Число посѣтителей Бюро ежедневно въ среднемъ 500 человѣкъ. Количество служащихъ въ Бюро превышаетъ теперь 500 чел.

Регистраціонные отдѣлы Бюро имѣютъ сейчасъ значительно болѣе милліона именныхъ карточекъ военноплѣнныхъ.

Свѣдѣнія о военноплѣнныхъ, находящихся въ непріятельскихъ странахъ, Бюро получаетъ изъ Берлина и Вѣны, куда отсылаются и списки плѣнныхъ, содержащихся въ Россіи. Съ Австріей Бюро сносится непосредственно, съ Германіей—дипломатическимъ путемъ; устанавливаются и непосредственныя отношенія (письменныя и телеграфныя) между Петроградомъ, Вѣной и Берлиномъ.

Наталія Сергѣевна Брасова, супруга Е. И. В. Великаго Князя Михаила Александровича.

Устроила и содержитъ на свои средства лазаретъ въ Гатчинѣ, кромѣ того ею были устроены лазареты въ г. Львовѣ и Кіевѣ.

Сестры милосердія, уѣхавшія въ Германію для посѣщенія русскихъ плѣнныхъ.

Фрейлина Параск. Александр. Каземъ-Бекъ.

Посрединѣ—**Екатерина Алекс. Самсонова, супруга ген.-отъ-кав. Самсонова.**

Слѣва — **Кавалерств. дама Наталья Ивановна Оржевская (рожд. кн. Шаховская).**

Комитетъ Всероссійскаго Земскаго Союза, въ **гор. Кишиневѣ.**
Мастерская по заготовленію повязокъ и респираторовъ, устроенная г-жей Н. Н. Гоната. Въ группѣ: г-жи Гоната, Маноли, Синадино, Ростовская, Бидерманъ и др.

Москва. Складъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Николаевскомъ дворцѣ.

А. А. Адріанова, граф. П. С. Уварова, Н. К. Безобразова и друг.

Татьяна Павл. Шлейферъ (рожд. **Арцыбашева**). Сестра милосердія городского лазарета (Азовско-Донского банка) имени Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Александровича. Помѣщеніе для лазарета предоставлено Великимъ Княземъ въ своемъ дворцѣ на Англійской наб. 54.

Татьяна Мих. Бельгардтъ.

Анна Сергѣевна
Короленко.

ПЕТРОГРАДЪ
ДО ВОЙНЫ И ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Княжна Анна Прокофьевна Шервашидзе.

Ксенія Александр.
Энгельгардтъ,
рожд. Эрдели.

Д. Н. ЧИХАЧЕВЪ.

Шаржъ Пэма.

Граф. Лид. Анд. Ростопчина.

Графиня Л. А. Ростопчина, внучка знаменитаго Московскаго генералъ-губернатора, графа Фед. Вас., родилась въ 1838 году. Семья ея проживала сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ и въ 1845 году уѣхала заграницу, гдѣ проводила зимы въ Римѣ и Парижѣ и гдѣ у маленькой Лидіи проснулась любовь къ искусствамъ.

Вернувшись въ Москву къ февралю 1848 года, Ростопчина зажила сначала въ своемъ огромномъ домѣ на Садовой, гдѣ собрана большая коллекція картинъ, ваяній, артистическихъ драгоцѣнностей и рѣдкихъ книгъ, по почину еще графа Фед. Вас., умноженная во время путешествій его сына.

Но не долго продолжалось житье среди всѣхъ этихъ сокровищъ: графъ много проигрывалъ въ карты и вскорѣ пришлось переѣхать на Старую Басманную въ домъ суровой, фанатичной католички, граф. Екат. Петр. Ростопчиной.

Л. А. много говоритъ о непреклонномъ характерѣ своей бабушки и о печальной жизни подъ ея кровомъ въ своей книгѣ „Ростопчинская Семейная Хроника", которая была напечатана на французскомъ языкѣ и, безъ ея вѣдома и согласія, переведена на русскій со многими ошибками.

Послѣ смерти своей супруги, графъ Ростопчинъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ состоялъ въ должности церемоніймейстера. Въ 1864 году старшая дочь его вышла замужъ за секретаря итальянскаго посольства.

Страстно любя поэзію и литературу, горячо поклоняясь таланту своей матери, она хотѣла идти по ея слѣдамъ и сдѣлаться писательницей. Однако, семья и друзья не одобрили ея намѣренія, и она рѣшилась покинуть родину и поселиться въ Парижѣ, гдѣ у нея была семья ея тетки, граф. де Сегюръ, дѣтской писательницы.

Графиня Лидія Андр. Ростопчина.
(Фотографія 80 годовъ).

Она написала большой романъ подъ названіемъ: „Rastaquouère-ropolus", замѣненнымъ впослѣдствіи другимъ: „Les Rastos de Monte-Carlo". Въ немъ она вывела все, что накопилось отъ печальныхъ картинъ разоренія и самоубійствъ нѣкоторыхъ ея друзей, о чемъ свидѣтельствуетъ ея посвященіе рулеткѣ:

— „Тебѣ, постыдной богинѣ, царствующей въ этомъ городѣ, съ твоими соглядатаями—разореніе, безчестіе, порокъ и самоубійства, я посвящаю эту книгу, безполезный вопль оскорбленной души".

Гнѣвъ монте-карловскихъ властей вылился въ самыхъ оскорбительныхъ статьяхъ. Графиня находилась тогда въ близкомъ сосѣдствѣ, въ Ментонѣ, гдѣ въ продолженіе болѣе четырехъ лѣтъ отдала себя благотворительной роли начальницы „Русскаго Дома".

Затѣмъ графиня вернулась въ Парижъ для поправленія здоровья.

Наступила мода на чтенія. У графини былъ голосъ и хорошая читка. Ее уговорили прочесть лекцію. Она говорила о Московскомъ пожарѣ 12-го года и о замѣчательныхъ русскихъ женщинахъ, иллюстрируя все свѣтовыми картинами. Успѣхъ былъ большой и, несмотря на свои 70 лѣтъ, графиня рѣшилась поѣхать въ Америку знакомить страну съ нашими героями. Но тамъ ждало ее разочарованіе. Она все-таки прочла лекцію о Московскомъ пожарѣ въ Вашингтонѣ.

Вернувшись въ Парижъ, она опять стала заниматься литературой и недавно окончила переводъ романовъ Мельникова (Печерскаго) „Въ лѣсахъ и на горахъ".

Кромѣ этого труда, занявшаго почти три года, она перевела въ разное время „Тьму Египетскую" Крестовскаго и нѣсколько пьесъ, въ томъ числѣ „Татьяну Рѣпину".

Графиня написала по-русски романъ, изъ котораго она извлекла драму на французскомъ языкѣ, но ее оказалось невозможнымъ сыграть на сценѣ, покуда живъ герой, герцогъ де Морни, изъ-за котораго стрѣлялась героиня пьесы.

Пьесу ставила съ успѣхомъ въ своемъ театрѣ графиня де Кесслеръ. Сейчасъ графиня Л. А. живетъ въ Парижѣ.

* * *

Прим. ред.

Графиня Л. А. Ростопчина умерла недавно въ Парижѣ. Эта біографія (значительно сокращенная нами) написана ею самою и прислана въ редакцію еще до войны.

Полная рукопись Л. А. довольно большая, сохранилась въ редакціи и мы готовы предоставить ее для печати, если бы кто либо пожелалъ ее издать.

МИНІАТЮРЫ.

АВИСАГА.

Читаю въ Библіи:

„И царь Давидъ бысть старъ прешедъ дни, и одѣваху его ризами (многими) и не согрѣвашеся.

„И рѣша отроцы его ему: да поищутъ господину нашему царю дѣвицы юныя, и предстоитъ цареви, и будетъ грѣющи его, и да лежитъ съ нимъ и согрѣется господинъ нашъ царь.

„И искаше откровицы добрыя отъ всего предѣла Израилева и обрѣтоша Ависагу Сумантяныню и приведоша ю ко царю".

„И бѣ откровица добра видѣніемъ зѣло: и бысть грѣющи царя и служаще ему"...

* * *

Читаю и думаю:

— Какой великій символъ!

Ависага! Ависага!..

Не всѣ ли мы мужчины только и дѣлаемъ, что ищемъ Ависагу!

Душа наша озябла, мы одѣваемъ ее многими ризами, — риза богатства, риза славы, риза власти, риза себялюбія...

И не согрѣвается душа наша...

И мы ищемъ, ищемъ Ависагу...

Въ каждой женщинѣ намъ чудится частица Ависаги.

Мы хватаемся за нее.

И не согрѣваетъ она насъ.

* * *

И мы ищемъ, ищемъ.

До гробовой доски ищемъ Ависагу.

И когда уже теряемъ всякую надежду ее найти, Ависага сама насъ находитъ.

И имя этой Ависагѣ.—

— Смерть!...

ЦИТАТА.

Сегодня въ трамваѣ я видѣлъ глупаго человѣка.

Онъ читалъ умную книгу.

Быть можетъ одну изъ самыхъ умныхъ книгъ міра:

„Кругъ чтенія" Л. Толстого.

Вѣдь въ ней великій писатель собралъ цитаты изъ твореній величайшихъ мыслителей міра.

* * *

Я не знаю, какую изъ цитатъ прочелъ этотъ глупый человѣкъ: афоризмъ ли Ницше, мысли ли Марка Аврелія, сентенцію ли Эпиктета, текстъ ли Евангелиста Іоанна, истину ли Конфуція, стихъ ли Талмуда, завѣтъ ли Будды, максиму ли Канта, изреченіе ли Сократа...

Я не знаю, надъ какою цитатою такъ глубоко задумался этотъ человѣкъ.

Я не знаю, понялъ ли, или не понялъ онъ мысль великаго мыслителя,—не знаю раскрыла ли она ему глаза, или ослѣпила его.

Я знаю только, что этотъ человѣкъ—глупый человѣкъ, потому что смотритъ въ книгу въ то время, когда Провидѣніе послало ему vis-à-vis такую хорошенькую дѣвушку.

* * *

Какимъ слѣпымъ и жалкимъ надо быть, чтобы предпочесть книжную цитату этой живой цитатѣ изъ великой книги Бытія!

Да, развѣ не краснорѣчивѣйшая цитата изъ творенія величайшаго творца радости эта дѣвушка!

* * *

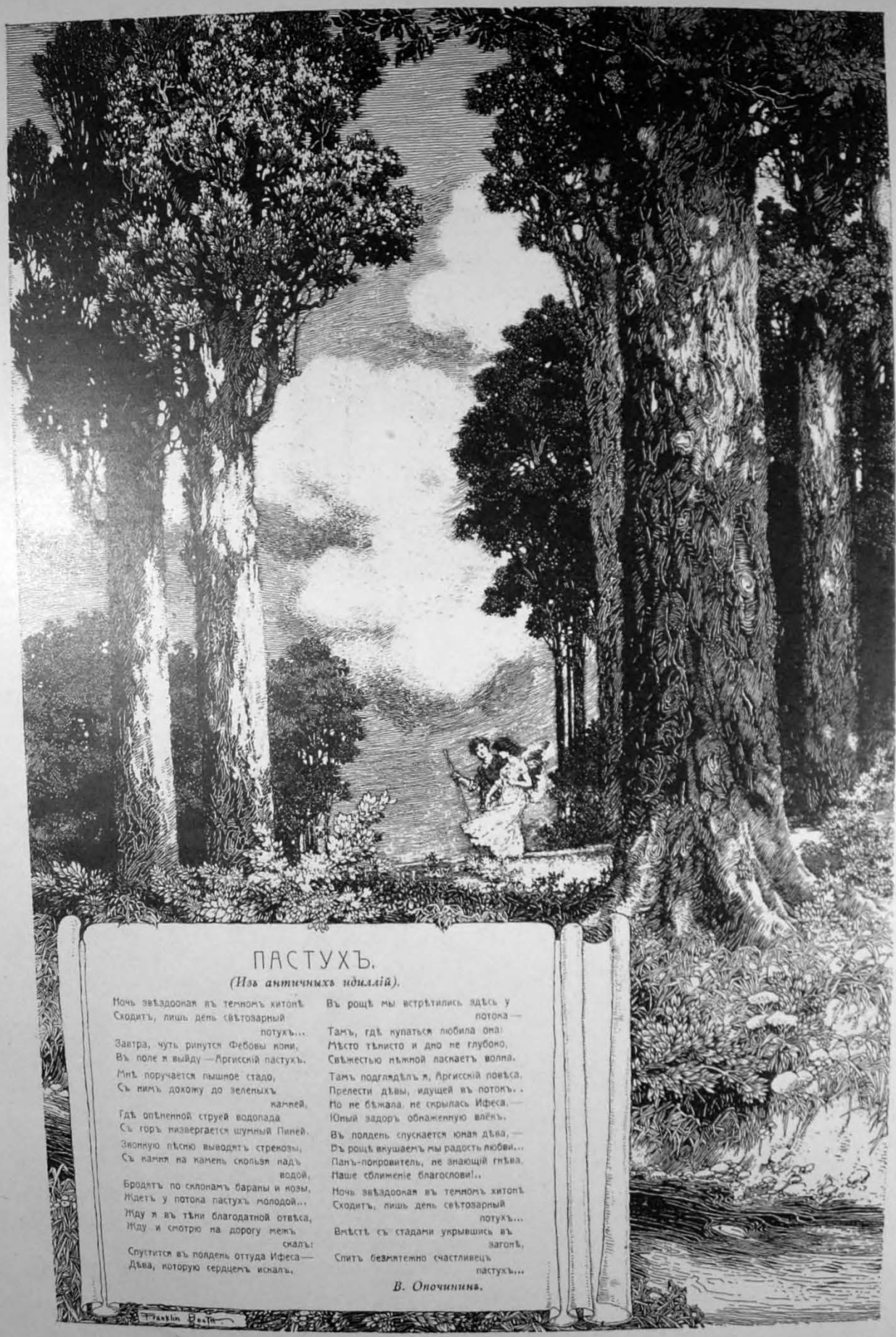
Глупый человѣкъ, закрой свою, быть можетъ, умную книгу и открой глаза на эту, быть можетъ, глупенькую дѣвушку!

И—если ты поэтъ, вдохновляйся.

Если ты философъ, философствуй.

Если ты просто человѣкъ—просто люби!

Н. Ш.



ПАСТУХЪ.

(Изъ античныхъ идиллій).

Ночь звѣздоокая въ темномъ хитонѣ
Сходитъ, лишь день свѣтозарный потухъ...
Завтра, чуть рипутся Фебовы кони,
Въ поле я выйду —Аргисскій пастухъ.

Мнѣ поручается пышное стадо,
Съ нимъ дохожу до зеленыхъ камней,
Гдѣ опѣненной струей водопада
Съ горъ низвергается шумный Пиней.

Звонкую пѣсню выводятъ стрекозы,
Съ камня на камень скользя надъ водой,
Бродятъ по склонамъ бараны и козы,
Ждетъ у потока пастухъ молодой...

Жду я въ тѣни благодатной отвѣса,
Жду и смотрю на дорогу межъ скалъ:
Спустится въ полдень оттуда Ифеса—
Дѣва, которую сердцемъ искалъ.

Въ рощѣ мы встрѣтились здѣсь у потока—
Тамъ, гдѣ купаться любила она:
Мѣсто тѣнисто и дно не глубоко,
Свѣжестью нѣжной ласкаетъ волна.

Тамъ подглядѣлъ я, Аргисскій повѣса,
Прелести дѣвы, идущей въ потокъ...
Но не бѣжала, не скрылась Ифеса,—
Юный задоръ обнаженную влекъ.

Въ полдень спускается юная дѣва,—
Въ рощѣ вкушаемъ мы радость любви...
Панъ-покровитель, не знающій гнѣва,
Наше сближеніе благослови!..

Ночь звѣздоокая въ темномъ хитонѣ
Сходитъ, лишь день свѣтозарный потухъ...
Вмѣстѣ съ стадами укрывшись въ загонѣ,
Спитъ безмятежно счастливецъ пастухъ...

В. Опочининъ.

КАКЪ ВЕСЕЛИЛИСЬ ВЪ СТОЛИЦѢ.

(Изъ недавняго прошлаго).

На-дняхъ умеръ Дмитрій Антиповичъ Поляковъ.

Нынѣшней публики это имя ничего не говоритъ. Однако многимъ еще въ столицѣ оно памятно: Поляковъ развлекалъ Петербургъ.

Это были восьмидесятые года, къ которымъ мнѣ и хочется возвратиться. Говоря о Поляковѣ, придется коснуться другихъ столичныхъ увеселителей того времени.

Петербуржцы проводили вечера въ Крестовскомъ саду, куда ѣздили обыкновенно со „Стрѣлки", и въ „Демидронѣ", называвшимся „Семейнымъ садомъ" и помѣщавшимся на Офицерской въ Демидовомъ саду (теперь „Луна-паркъ"). Въ „Демидронѣ" царилъ знаменитый тогда антрепренеръ Василій Никитичъ Егаревъ, культивировавшій спеціально кафе-шантанный жанръ. Это не былъ его расцвѣтъ, а скорѣе начинался закатъ и маститаго увеселителя облѣпляли кредиторы. Тѣмъ не менѣе Егаревъ не унывалъ, выписывая парижскихъ знаменитостей. Въ 1885 году ему пришлось передать антрепризу, нѣкоему Березу, у котораго руководилъ дѣломъ молодой Рауль Гюнсбургъ, впослѣдствіи директоръ городского театра въ Ниццѣ, директоръ театра въ Монте-Карло, другъ Сарсэ и пр. и пр.

Егаревъ—это была типичная фигура: необыкновенно высокаго роста, бритый, безъ усовъ и бороды, носившій на головѣ только цилиндръ. Ни на какомъ языкѣ, кромѣ родного, онъ не говорилъ, что не мѣшало ему объясняться всю жизнь съ иностранцами.

Входя въ „Демидронъ", каждый обязательно наталкивался на Егарева, онъ сидѣлъ на лавочкѣ у входа и съ каждымъ почтительно раскланивался, снимая цилиндръ, далеко не новый.

— Честь имѣю кланяться... очень благодаренъ, что не забываете... сегодня у насъ всѣ знатоки... Луиза Филиппо выступаетъ... два мѣсяца не пѣла, новые куплеты разучила.—Говорилъ онъ глухо, въ носъ.

— А что теперь въ Парижѣ въ модѣ, Василій Никитичъ?

— Три жанра въ большомъ ходу: гомёзъ, эксцентрикъ и травести. Все, что есть лучшаго — взялъ. Обратите вниманіе на венгерку, превосходитъ Ильку Огай, которая въ „Баваріи" пѣла. Составъ первоклассный.

Луиза Филиппо безподобно пѣла шансонетки и была долгіе годы неизмѣнной любимицей публики. Каюсь, она меня привела въ такой восторгъ, что я перевелъ для нея шансонетку „Нана", которую она разучила по-русски и пѣла разъ сто.

* * *

Демидовъ садъ преобразился и собиралъ массу публики, когда его арендовала даровитая артистка В. А. Неметти, сломавшая здѣшній театръ, напоминавшій телячій загонъ, и выстроила лѣтній и зимній театры. При ней русская оперетка и дивертиссементъ собирали массу публики. Неметти выписывала не разъ иностранокъ и вообще умѣла угодить вкусамъ публики Садъ принялъ благообразный видъ и въ немъ стало свѣтло и оживленно.

Крестовскій садъ въ 1881 году временно зачахъ. Драматическіе спектакли и увеселенія Антона Картавова не имѣли успѣха. Крестовскій садъ возродился на нѣсколько лѣтъ при И. К. Ялышевѣ, который потерялъ здѣсь уйму денегъ и ушелъ... Преобладалъ кафе-шантанъ, гдѣ выступали многія заграничныя звѣзды этого мірка, начиная съ Кавальери, Отеро и др.

Вообще столица обѣднѣла тогда по части развлеченій.

Въ Новой Деревнѣ, на дачѣ Базилевскаго, на берегу Невки противъ ресторана Фелисьенъ (теперь Кюба) открылся новый увеселительный садъ „Ливадія". Открыли его Ал. Ф. Картавовъ, Е. А. Александровъ и Д. А. Поляковъ. Это былъ ихъ первый опытъ самостоятельнаго дѣла, а ранѣе они, если не ошибаюсь, арендовали буфетъ въ „Баваріи", гдѣ былъ кафе-шантанъ, помѣщавшійся на Петровскомъ островѣ, у пивного завода „Баварія".

Въ короткое время „Ливадія" сдѣлалась модньмъ увеселительнымъ уголкомъ столицы.

Дѣло пошло отлично. Программа развлеченій рѣзко отличалась отъ другихъ садовъ: она состояла изъ дивертиссементовъ, въ которыхъ участвовали, за ничтожнымъ исключеніемъ, русскіе исполнители. Позднѣе пѣлъ куплеты провинціальный актеръ, вступившій потомъ въ Александринскій театръ, Л. И. Градовъ-Соколовъ. Успѣхъ его былъ колоссальный и заслуженный. Градовъ-Соколовъ передавалъ обличительные куплеты не хуже покойнаго премьера Александринскаго театра, кумира публики И. И. Монахова. Многіе ставили его выше. У Градова-Соколова былъ искренній юморъ, была заразительная веселость.

Предпринимателямъ повезло и оставалось только радоваться, но они почему то разошлись.

„Ливадія" осталась за Картавовымъ, а Поляковъ и Александровъ облюбовали новое мѣсто въ Новой Деревнѣ, близъ Строгонова моста и выстроили здѣсь грандіозное увеселительное заведеніе съ садомъ, назвавъ его „Аркадіей", съ которой не имѣетъ ничего общаго, современная „Аркадія".

Разошлись Картавовъ, Поляковъ и Александровъ миролюбиво, но на самомъ дѣлѣ возникла самая свирѣпая конкуренція.

Картавовъ упразднилъ дивертиссементъ и открылъ театръ русской оперетки, поставивъ въ первый разъ „Корневильскіе колокола" Планкетта.

Оперетка произвела фуроръ и ежедневно шла при переполненныхъ сборахъ. Съѣзжался буквально „весь Петербургъ". Участвовали Черновъ, Градовъ-Соколовъ, Крузова, потомъ Новиковъ, Ивановъ и др.

Въ „Аркадіи" дѣла шли слабо и счастье измѣняло Полякову и Александрову. Они рѣшили обратиться къ московскому „магу и волшебнику" по части увеселеній М. В. Лентовскому, который явился съ своей огромной опереточной труппой, со своими декораціями и костюмами.

„Аркадія" ожила и казалось, должна была уничтожить „Ливадію".

Публики, впрочемъ, хватало на два театра и конкуренты не могли пожаловаться на ея равнодушіе.

Лентовскій поставилъ дѣло широко и талантливо. Пріѣхали Зорина, Бѣльская, Давыдовъ, Родонъ, Лентовская, Вальяно и др. Среди пажей была молодая Пуаре.

Во время полнаго торжества Лентовскаго, театръ и зданіе ресторана „Аркадія" сгорѣли.

Пріѣхавъ на пожарище, я встрѣтилъ Полякова въ слезахъ.

— Все погибло!—плакалъ онъ.—Нищіе мы...

Александровъ терялся менѣе его, но тоже былъ убитъ.

Вызвали изъ Москвы Лентовскаго, который, пріѣхавъ, обошелъ съ ними площадку съ обугленными бревнами, покачалъ головой и задумался.

— Погибли! сказалъ Поляковъ.

— Вотъ что, господа, отчаяваться нечего, — успокаивалъ ихъ Лентовскій. Чрезъ двѣ недѣли долженъ быть выстроенъ временный театръ, безопасный, въ одинъ ярусъ! Объявляйте завтра объ открытіи „Аркадіи" чрезъ двѣ недѣли.

Поляковъ и Александровъ не повѣрили въ возможность этого, но Лентовскій убѣдилъ ихъ и заставилъ на другой день взяться за работу.

Чрезъ двѣ или три недѣли „Аркадія" снова открылась и временный театръ стоялъ и потомъ много лѣтъ, какъ удобный и безопасный.

Лентовскій закончилъ сезонъ и дѣла были такія, какихъ никогда не бывало: мѣста раскупались съ бою. В. В. Зорина и А. Д. Давыдова свели съ ума всю публику.

Съ каждымъ сезономъ разгоралась конкуренція „Ливадіи" и „Аркадіи".

Картавовъ пригласилъ французскую опереточную труппу, а Поляковъ и Александровъ сильную „оперетку" знаменитаго въ свое время пѣвца І. Я. Сѣтова, державшаго театръ въ Кіевѣ.

Среди пѣвицъ французской труппы Картавова наибольшій успѣхъ имѣли г-жи Шевріэ и Маргариты Югальдъ.

У Сѣтова въ „Аркадіи" пѣла съ россійскими исполнителями парижская пѣвица Монбазонъ. Это смѣшенье языковъ французскаго съ нижегородскимъ сначало вызывало смѣхъ, но потомъ понравилось.

* * *

Затѣмъ „Ливадію" арендовалъ Лентовскій, назвавъ ее „Кинь-грусть". Онъ отлично отдѣлалъ садъ, собралъ большую труппу, поставилъ въ саду юрту, гдѣ проводилъ время съ своей свитой и пріятелями. При Лентовскомъ всегда была свита, не покидавшая его.

М. В. Лентовскій представлялъ собой исключительную и не преувеличу, сказавъ, замѣчательную фигуру среди россійскаго антрепренерства. Это былъ человѣкъ огромнаго вкуса, необычайно широкаго размаха и большого таланта. Какъ почти всѣ даровитыя русскія натуры, онъ отличался въ то же время безалаберностью, жегъ свою жизнь, проживалъ ежегодно сотни тысячъ рублей и на закатѣ возвратился къ скромной жизни.

Красивая, здоровенная фигура Лентовскаго въ поддевкѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ чечунчовой рубахѣ, съ жетонами и иногда съ орденами на груди, бросалась всѣмъ въ глаза, особенно въ Петербургѣ.

Саду „Кинь-Грусть" не повезло и Лентовскій не могъ кончить половины сезона, передавъ дѣло товариществу своихъ артистовъ. Случилось это, не взирая на 113 тысячъ рублей валового сбора, чему способствовала приглашенная въ „Ливадію" „божественная" балерина Вирджинія Цукки. Она выступала въ фееріи „Путешествіе на луну".

Всѣ потеряли отъ нея головы, начиная съ К. А. Скальковскаго, рекомендовавшаго Лентовскому Цукки.

Балетмейстеромъ въ театрѣ „Кинь-Грусть" былъ Ганзенъ, приглашенный вскорѣ въ парижскую Большую оперу.

Это было въ 1885 году. Одновременно у Сѣтова въ „Аркадіи", кромѣ Монбазонъ, участвовали: Зорина, Н. Сѣтова, Запольская, Тамарова, г.г. Лодій, А. Д. Давыдовъ, В. О. Степановъ, Недѣлинъ, Завадскій и др. Режисеромъ былъ самъ І. Я. Сѣтовъ. Здѣсь, между прочимъ, какъ я припоминаю, выступалъ не особенно удачно, въ качествѣ опереточнаго комика, знаменитый россійскій антрепренеръ и актеръ съ Волги П. М. Медвѣдевъ, тотъ самый Медвѣдевъ, который занялъ, послѣ А. А. Потѣхина, мѣсто управляющаго драматической труппой Императорскаго Александринскаго театра.

дебютировалъ онъ въ „Аркадіи" въ роли Лорана въ „Маскоттѣ". Его было плохо слышно, успѣха не было.

На открытой сценѣ „Аркадіи" играла драматическая труппа подъ режиссерствомъ А. А. Яблочкина, бывшаго режиссера Александринскаго театра.

Капельмейстеромъ оркестра у Сѣтова былъ Гуго Варлихъ, нынѣ дирижеръ Придворнаго оркестра.

„Аркадія" Александрова и Полякова процвѣтала и театръ ея и ресторанъ приносили огромный доходъ.

Мода на балетъ, возрожденный Цукки, заставила дирекцію „Аркадіи" выписать въ 1886 году въ „Аркадію" Антоніэтту Дель-Эру. Эта stella de la danza подвизалась въ Берлинѣ. У насъ ее приняли отлично.

Сѣтовъ покинулъ „Аркадію" и перебрался въ „Ливадію". Онъ сформировалъ балетную труппу и выписалъ изъ Италіи балерину Карлотту Бріанцу, молодую, красивую и даровитую.

Поляковъ и Александровъ въ пику ему ангажировали первую въ мірѣ по техникѣ танца балерину Лимидо, также итальянку... Лимидо была некрасива собой, но равной ей по техникѣ балерины я еще не видалъ. Она вскорѣ по возвращеніи въ Италію, умерла. Съ ней танцовалъ въ „Аркадіи" Энрико Чекетти, приглашенный танцовщикомъ и вторымъ балетмейстеромъ въ Императорскій балетъ. Они выступали въ балетѣ „Сіэба". Музыку для двухъ варіацій сочинилъ недавно скончавшійся полковникъ Ѳ. А. Переяславцевъ, тогда офицеръ л.-гвардіи Коннаго полка, пламенный театралъ.

* * *

Акціи „Аркадіи" все поднимались и поднимались, хотя и Сѣтовъ не могъ пожаловаться на дѣла.

Сѣтова въ „Аркадіи" позднѣе смѣнилъ Рауль Гюнсбургъ. Это начало его славы и обогащенія. Гюнсбургъ далъ первоклассную французскую оперу и оперетту, приглашая первыя силы изъ Франціи и Бельгіи. Напримѣръ, у него пѣлъ Хозе въ „Карменъ" теперь Мораса изъ Брюсселя. Лучшаго исполнителя этой партіи и роли я не помню. Впечатлѣніе было ошеломляющее. У Мораса былъ, кромѣ сильнаго голоса, настоящій драматическій талантъ. Другой пѣвецъ Рено оказался настолько замѣчательнымъ, что изъ „Аркадіи" былъ приглашенъ прямо въ Парижъ въ Большую оперу, гдѣ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Оперетточная труппа Гюнсбурга также пришлась по вкусу петербуржцамъ.

Гюнсбургъ нѣсколько сезоновъ процвѣталъ въ „Аркадіи" и сдѣлался популярнѣйшимъ импрессаріо.

Гюнсбурга Поляковъ называлъ по русски „Раулемъ Львовичемъ". Такъ онъ и остался у всѣхъ въ памяти, какъ „Рауль Львовичъ".

Рауль Гюнсбургъ въ своемъ родѣ оригиналъ, не менѣе типичный, чѣмъ Лентовскій. Объ немъ тоже мимоходомъ всего не скажешь. Несомнѣнно одно, что онъ недюжинный по таланту человѣкъ, что и подтвердилъ скоро, достигнувъ выдающагося положенія за границей.

Д. А. Поляковъ и Е. А. Александровъ не могли желать лучшаго, но Александровъ самостоятельно купилъ на Каменноостровскомъ проспектѣ мѣсто и выстроилъ „Акваріумъ", не покидая еще „Аркадіи". Въ „Акваріумѣ" первое время плавали нѣсколько рыбъ и игралъ большой симфоническій оркестръ подъ управленіемъ Энгеля, который долженъ былъ конкурировать съ Павловскими концертами.

Эта симфонія не прививалась, публика предпочитала ѣздить въ Павловскъ.

Поляковъ и Александровъ разошлись. Первый остался въ „Аркадіи", а второй ушелъ къ себѣ въ „Акваріумъ". Первому не повезло, а второму улыбалось счастье на Каменноостровскомъ проспектѣ. Почему они нарушили старинную компанію—не знаю, но петербуржцы сожалѣли объ этомъ, они привыкли къ этой увеселительной фирмѣ.

„Акваріумъ" расширялся, разростался, тамъ началъ орудовать Гюнсбургъ, а „Аркадія" чахла и Полякову приходилось тяжело. Закатъ его жизни былъ печальный: вдали отъ любимаго дѣла, потерявшій все состояніе, онъ жилъ гдѣ-то скромно, на Петербургской сторонѣ, никому не жалуясь на свою судьбу, мирясь съ ней по-христіански.

Недавно онъ скончался, пережив на нѣсколько лѣтъ своего бывшаго компаньона.

И тотъ и другой — хорошіе русскіе люди, достигшіе всего сами, безъ сторонней поддержки, своимъ трудомъ; они пользовались среди артистовъ и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ служившихъ у нихъ людей, репутаціей честнѣйшихъ антрепренеровъ. Никого не пускали по міру, никого не обижали, никого не обманули.

* * *

Значительно позже на увеселительномъ горизонтѣ столицы появился П. В. Тумпаковъ, арендовавшій на Фонтанкѣ садъ и театръ, названные имъ „Буффъ". Въ старину въ этомъ саду происходили концерты подъ управленіемъ пріѣзжавшаго изъ Парижа Арбана, одно время помѣщался клубъ, а въ 1885 году—увеселительный садъ „Александрія" Лаврова.

Тумпаковъ самъ мнѣ разсказывалъ, что началъ службу офиціантомъ въ клубѣ. Умеръ онъ, оставивъ большое состояніе и бывшій Панаевскій театръ на Адмиралтейской набережной.

Тумпакова вспоминаютъ всѣ служившіе у него артисты и другіе, какъ порядочнаго человѣка. Отличительной чертой его было то, что онъ никогда не забывалъ среды, изъ которой вышелъ самъ, и относился съ рѣдкимъ сочувствіемъ къ мелкимъ служащимъ.

* * *

Д. А. Поляковъ отличался добродушіемъ, незлобивостью и наивностью.

О немъ разсказывали много курьезовъ, нѣкоторые доходили до него и онъ только улыбался, подставляя ухо (онъ былъ глуховатъ) и прося повторить.

По вечерамъ въ „Аркадіи", наверху на балконѣ, постоянно сервировали чай и Поляковъ съ Александровымъ приглашали всѣхъ знакомыхъ.

Здѣсь появлялись М. И. Пыляевъ, С. Н. Атава-Терпигоревъ,—жившій по сосѣдству, М. П. Федоровъ, А. Н. Похвисневъ, Л. И. Градовъ-Соколовъ, Л. Ю. Гольштейнъ, Н. М. Безобразовъ, композиторъ П. С. Макаровъ, генералъ Н. Н. Бутурлинъ—бывшій варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, А. А. Соколовъ, Рауль Гюнсбургъ, І. Я. Сѣтовъ, П. Ф. Левдикъ, А. А. Яблочкинъ и др.

Большинство перемерло.

Хозяева „Аркадіи" отличались гостепріимствомъ; отъ времени до времени они устраивали въ большомъ залѣ „Аркадіи" ужины, приглашая человѣкъ по сто гостей, артистовъ, журналистовъ и завсегдатаевъ театра и сада. Каждый ужинъ устраивался въ честь кого-либо изъ артистовъ или по случаю бенефисовъ.

— Чествовать собираемся, господа, милости просимъ... объявлялъ Поляковъ.

— Дмитрій Антиповичъ, — останавливалъ его болѣе молчаливый Александровъ,—не выдавай секретовъ! самъ говорилъ, что приглашенія красивыя надо заказать.

— Монбазонъ хотимъ угостить,—объяснялъ Поляковъ,—пусть разскажетъ въ Парижѣ. Надо чтобы ей рѣчь кто нибудь сказалъ по-французски...: Аркадій Николаевичъ скажетъ!

Поляковъ поглядывалъ на А. Н. Похвиснева — водевилиста, театральнаго рецензента и балетомана, служившаго въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

— Скажу!—откликнулся восторженный Похвисневъ. — Готовъ даже ввести на торжество Монбазонъ подъ руку. Какая большая мастерица, какая тонкая артистка! Во Франціи таланты не переводятся.

— И мужа ея пригласили—Гризье,—добавилъ Поляковъ,—малый хорошій...

Однажды мы сидѣли за чаемъ и къ Полякову подошелъ старый лакей татаринъ.

— Тамъ изъ газеты господинъ незнакомый, кресло проситъ въ театрѣ.

Поляковъ прочелъ карточку и, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— Господа, вы не знаете такого? сотрудника „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей"?

Всѣ улыбнулись.

— Дайте кресло! — приказалъ Поляковъ — Монбазонъ пріѣхалъ послушать. Можетъ быть нарочно посланъ. А вотъ и Рауль Львовичъ идетъ... Гюнсбургъ. Онъ на меня разсердился вчера. Жюдикъ выписываетъ... Я говорю ему, что ей за пятьдесятъ! всѣ знатоки такъ опредѣляютъ. Вы, говоритъ онъ, меня подводите, распуская подобные слухи, я ее, говоритъ, за молодую хотѣлъ выдать...

Гюнсбургъ почтительнѣйше всѣмъ раскланялся и, обращаясь къ подсѣвшему К. А. Скальковскому, громко спросилъ:

— Мсье Скальковскій, говорите, будьте добры, сколько лѣтъ мадамъ Жюдикъ? Послушайте, что скажетъ мсье Скальковскій!

— Сто! протянулъ Скальковскій.

— Мадамъ Жюдикъ 29 лѣтъ! — поправилъ Гюнсбургъ.

Всѣ расхохотались.

Раздавался звонокъ, приглашавшій въ театръ и чай заканчивался.

* * *

Всѣ развлеченія столицы въ тѣ времена были грандіознѣй, шире, въ другомъ масштабѣ.

Веселились больше и непринужденнѣй, не было отпечатка той скуки, которая свила себѣ гнѣздо въ нынѣшнихъ садахъ и лѣтнихъ театрахъ. Кто-то додумался и доказывалъ, что прежде всѣ развлеченія были доступнѣй, а въ настоящее время все вздорожало. Это фантазія! никакой разницы нѣтъ; и прежде все стоило дорого и теперь тоже самое.

А. Плещеевъ.

„Аничковъ мостъ".
Заставка Дени.

вызываетъ восторженное настроеніе и выливается въ стремительныхъ звукахъ его пѣсни (Тріо на кото, самисенъ и шакухачи).

* * *

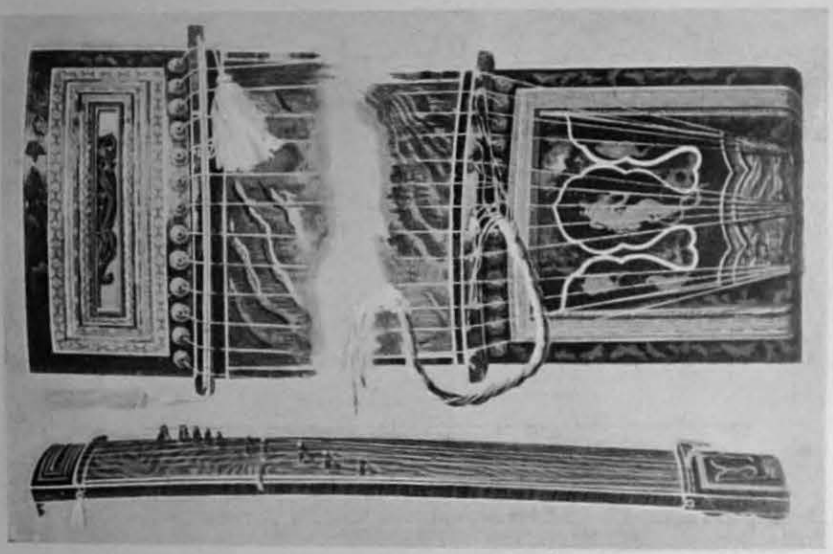
На дняхъ, перелистывая книгу Сенъ-Санса, я наткнулся на слѣдующее пророчество о музыкѣ будущаго. „Музыка настоящаго", пишетъ маститый композиторъ, „достигла высшей точки своего развитія. Тональныя основы, на которыхъ выросла современная гармонія, обречены на гибель. Господству минора—мажора положенъ конецъ. Европейская музыка начинаетъ возвращаться къ архаическимъ ладамъ и, въ концѣ концовъ, несомнѣнно подпадетъ подъ вліяніе восточныхъ гаммъ. Отъ нихъ мы ждемъ возрожденія нашего музыкальнаго искусства, имъ суждено открыть новую эру въ музыкѣ, освободить плѣненный въ теченіе долгихъ столѣтій ритмъ".

Не японская ли музыка сыграетъ замѣтную роль въ этомъ обновительномъ процессѣ европейскаго искусства? Не этимъ ли экзотическимъ мелодіямъ дано будетъ оказать такое же вліяніе на зарождающійся новый мелодическій стиль, какое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ оказалъ японскій живописный импрессіонизмъ на западноевропейскихъ художниковъ?..

Евгеній Браудо.

Петроградъ.
Г. и г-жа Іоанакаво и г. Накао, японскіе музыканты.

Снимокъ японскаго посла бар. Мотоно.



Къ статьѣ „Японская музыка".

Старинный японскій „кото".
Съ рис. хранящагося въ Императ. Публичн. библіотекѣ

„Барельефъ"—ученицы школы пластики Исаченко-Соколовой въ Петроградѣ.

Редакторъ-издатель **Вл. Крымовъ.**

Торговый Домъ

ОБЮССОНЪ.

Мебель,

ковры,

мебельныя матеріи.

Морская 23 и 25.

Телеф.—484-55, 606-94, 666-46.